

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ЛЕДЯНОЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Ледяной свидетель (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Ледяной свидетель (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-77378-7

В автомобиль полковника МУРа Стаса Крячко на полном ходу врезается иномарка, водитель которой Артем Коновалов – в состоянии сильнейшего наркотического опьянения. Сотрудники Госавтоинспекции осматривают автомобиль наркомана и, к своему удивлению, обнаруживают в багажнике труп. На место происшествия срочно прибывают эксперты, которые устанавливают, что тело пролежало в автомобиле более трех месяцев. Коновалова помещают под стражу, а дело поручают сыщикам Гурову и Крячко. Буквально через несколько часов они выясняют, что Коновалов никого не убивал. Автомобиль он угнал для развлечения и багажник не открывал. Но кто же тогда убийца? Поиски преступника вскоре приводят сыщиков в одну из столичных спортивных школ...

ISBN 978-5-699-77378-7

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Ледяной свидетель	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Леонов, Алексей Макеев

Ледяной свидетель

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Ледяной свидетель

Пролог

Заседание суда закончилось, с шумом захлопали стулья, послышались голоса – обычный шум, возникающий после окончания процесса. Осужденного увели. Вид у него был совершенно обескураженным и ничего не понимающим, словно он не верил в реальность происходящего и воспринимал все как дурной сон. Примерно так же выглядел и его адвокат, совсем еще молодой, который все стоял на месте с полуоткрытым ртом и растерянным взглядом и не мог заставить себя двинуться с места, отказываясь верить, что все повернулось так неудачно для его первого в жизни процесса...

Судья Захарчук неторопливо собирал бумаги в портфель. Он был уже немолод, да что там, можно сказать, стар, давно на пенсии, очень, кстати, приличной, на которую, с учетом накопленных за почти сорокалетний стаж работы сбережений, мог существовать вполне безбедно. И только нежелание и даже боязнь оставаться совершенно одному в холодных стенах огромной четырехкомнатной квартиры заставляла его ежедневно совершать поход в знакомое здание городского суда. Три года назад похоронив жену – она на семь лет моложе, ничем не болела, а тут злобный, беспощадный рак в два месяца спалил ее дотла, – Захарчук оказался в полной растерянности.

Он и представить себе не мог, что все так повернется в его размеренной, раз и навсегда устоявшейся жизни. Иногда, изредка задумываясь о смерти, считал, что уйдет первым, что похороны пройдут чин по чину, в соответствии с занимаемой им всю жизнь должностью, и не сомневался, что Галина все сделает по высшему разряду, она в этих вопросах всегда была умницей: кого позвать, где заказать поминки, в какое похоронное бюро обратиться. И место на кладбище давно было присмотрено – хорошее, одно из лучших. А все получилось не так, и остался он наедине со своей должностью, с которой теперь ни за что не хотел расставаться. И не из жадности или тщеславия, а потому что одиночество было невыносимо. Двух дочерей Захарчук давным-давно выдал замуж, уж скоро внуки свои семьи заводить станут, но даже хоромы его, по здешним меркам барские, не прельщали юные создания. Захарчук в душе их понимал: молодость полна свежести и полноты жизни, а потому эгоистична, никто ей не нужен. А старость, лишенная сил, здоровья и всяческого смысла строить планы на будущее, наоборот, цепляется, старается ухватить хоть краешек этой молодой жизни, у которой все еще впереди...

Громко заголосила женщина, и судья очнулся от своих мыслей. Собственно, они и вызваны были невольной схожестью абсолютно разных на вид ситуаций. Глядя на растерянного адвоката и осужденного, которому лично он, Николай Арсеньевич Захарчук, несколько минут назад вынес обвинительный приговор с восьмилетним сроком отбывания в колонии, судья вдруг почувствовал, что они в своей растерянности и отчаянии напоминают его самого, когда три года назад он стоял над выкопанной ямой, в которую опускали гроб с телом жены, и не верил, что это все происходит с ним. Что образовавшаяся вдруг пустота в душе – навсегда! Теперь все время будет так – пустота. И у осужденного этого впереди пустота. Только у него на восемь лет, а у Захарчука навечно, пока его самого не заберут на «тот» самый неведомый свет.

С женщиной началась настоящая истерика, и Захарчук раздраженно поморщился. Эта женщина не вызвала у него симпатии. Она приходилась женой осужденному и делала все, чтобы спасти его от тюрьмы, но своими глупыми действиями только все испортила – и кропотливую работу адвоката, радеющего на своем первом процессе, и его, Захарчука, впечатление. И то, что теперь она рыдала в голос, не вызвало у него сочувствия. Сама виновата.

Не в силах больше слышать эти вопли, судья заторопился. Быстро запихнув оставшиеся бумаги в портфель, он направился к выходу размашистым шагом, припадая на левую ногу – результат неудачно сросшейся кости перелома пятилетней давности. Со стуком опираясь на трость, он покинул здание суда. Судья уже спускался по ступенькам на улицу, как услышал сзади дрожащий оклик:

– Николай Арсеньевич!

Захарчук обернулся. Молодой адвокат Троепольский, только что проигравший свое первое в жизни дело, стоял на верхней ступеньке, рукой придерживая тяжелую деревянную дверь на пружине, сохранившейся в здании суда еще с тех пор, как Захарчук пришел сюда работать. Та самая тугая пружина, которая каждый раз при открытии заставляла совершать усилие, так и не была заменена за эти почти полвека...

– Николай Арсеньевич! – повторил адвокат, спускаясь на пару ступенек.

Он не успел одеться – видимо, выскочил в чем был, чтобы перехватить Захарчука, и теперь стоял в одном костюме, новеньком, отглаженном до ломкости, специально купленном к первому в жизни процессу. Под холодным ноябрьским ветром дрожали его руки – и голос – от волнения.

– Слушаю тебя, Володя, – спокойно произнес Захарчук, останавливаясь. Он не знал, зачем адвокат задержал его. Разговор еще имел право на существование до завершения процесса, когда теоретически что-то могло повлиять на решение судьи. А сейчас процесс окончен, и все разговоры теряют смысл.

– Николай Арсеньевич, как же так? – с горечью спросил адвокат.

Захарчук подавил вздох. Что он мог ответить на этот вопрос? Этот парень и сам его знает.

– Ты и сам все понимаешь, Володя, – сказал он. – Принятое мной решение – единственно возможное в данной ситуации. Скажи спасибо жене своего клиента – это она тебе такую свинью подложила.

– Да знаю я! – почти выкрикнул адвокат. – Но она же хотела как лучше!

– Ну-ну, – усмехнулся Захарчук. – Благими намерениями дорога знаешь куда вымощена? То-то. Вот туда она и попадет. На восемь лет. Осталась без мужа, без денег, с ребенком на руках! Эх! – покачал он головой. Ему и самому было досадно, что все так получилось. Честно признаться, во время процесса он думал, что Володе все-таки удастся добиться оправдания своего клиента. Улики против него были не слишком крепкими, при умелом подходе их легко можно было опровергнуть. А Володя взялся за дело рьяно, так закусил удила, так попер вперед, что Захарчук во время заседаний невольно любовался им. Но тут вмешалась эта молодая дура и все испортила.

– Не надо, пожалуйста, Наташа хороший человек, – добавил Троепольский.

Захарчук смерил его удивленным взглядом:

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, – отрезал адвокат и покраснел.

– А-а-а, – усмехнувшись, протянул Захарчук. – Кажется, я понимаю, почему ты взялся защищать ее мужа бесплатно. И давно ты по ней сохнешь? Или во время процесса зацепило?

– Это мое личное дело, – в сторону проговорил Троепольский, и Захарчук оставил эту тему.

– Словом, ты сам юрист, к тому же с красным дипломом академию закончил. Все понимаешь. Так что не держи на меня зла, я не мог поступить иначе.

– Да я на вас зла и не держу.

– А на кого? – с любопытством спросил судья.

– На себя самого, – твердо произнес Володя. – Работать надо было лучше!

– Ну, ты поработал на славу, самокритика тут ни к чему. А все предусмотреть только Господу Богу под силу. Ты иди, Володя, замерз ведь совсем. Будут и в твоей жизни удачи, она у

тебя только начинается. – Захарчук поправил на голове шапку и пошел вперед по тропинке, по которой ходил много лет, думая о процессе, хотя обычно после вынесения приговора забывал о законченном деле и переключался на следующее. На этот раз было не так.

Володю Троепольского он знал еще со времен учебы того в юридической академии, где по утрам среды и пятницы читал курс лекций по уголовно-процессуальному праву – небольшая прибавка к пенсии, а смысла жизни добавляет. Он был отличным студентом, одним из лучших на курсе, и Захарчук не сомневался, что его ждет отличная карьера, какое бы поприще он ни выбрал. Получив диплом юриста широкого профиля, Троепольский выбрал профессию адвоката и стал членом местной коллегии. И надо же случиться такой иронии судьбы, что первое же его дело стало провальным!

Захарчук боковым зрением увидел ехавшую справа машину и посторонился. Стекло в машине приоткрылось, и оттуда высунулась чья-то рука. Рука эта помахала ему, и он остановился.

– Здравствуйте, Николай Арсеньевич, – с улыбкой произнес водитель. – Садитесь, подвезу!

Захарчук сощурился. В последнее время зрение у него ослабло, но на улице он очки не носил.

– А, Слава! Какими судьбами?

– С вами хотел встретиться, Николай Арсеньевич.

– Да неужели? Никак, совет понадобился? – Захарчук опустил на сиденье рядом с Вячеславом.

– Понадобился, – серьезно ответил тот. – Диссертацию собираюсь заканчивать, летом защищаться.

– Что ж, давно пора, – кивнул судья. – И что же ты хочешь?

– Ну, вы же тему мою знаете? Может быть, посоветуете, какие дела почитать, чтобы на их примере окончательный вывод сделать?

Захарчук задумчиво потер подбородок и обернулся назад. Здание суда уже давно скрылось из вида.

– Пожалуй, посоветую, – решительно тряхнув головой, произнес он. – Пиши номер!

Глава 1

Беда не приходит одна. Это Станислав Крячко знал давно и хорошо. Он прожил на земле уже достаточно лет, чтобы убедиться на собственном опыте: стоит только случиться какой-нибудь мелкой пакости – все! Жди глобальной катастрофы! Тут же, как по заказу, все остальные жизненные сферы начинают рушиться и осыпаться, как детская башенка из кубиков, если легонько подтолкнуть пальцами всего лишь один из них.

Все началось еще вчера вечером, когда Крячко возвращался домой со службы из Главного управления внутренних дел. Сидя за рулем в многочисленных пробках, он, уставший за день, подбадривал себя тем, что, приехав наконец домой, сможет расслабиться и посмотреть долгожданный матч одной восьмой Лиги Европы между «Спартак» и «Марселем». Но злая фортуна уже вмешалась в планы Крячко, начав безжалостно рушить их один за другим. Для начала, прямо в дороге сломалась машина. Станислав тогда кожей почувствовал – начинается! Однако в душе все-таки понадеялся отделаться малой кровью. Кое-как оттранспортировав свою машину в гараж, он позвонил тестю, человеку, сведущему в автомобильной технике, и попросил помочь в ремонте, рассчитывая, что тот приедет немедленно, и они, быстро устранив неисправность, как раз успеют к началу матча.

Однако у тестя были, в свою очередь, собственные планы, так что приехал он только спустя два с половиной часа после возвращения Станислава с работы. Все это время Крячко маялся, расхаживая по кухне, ежеминутно выглядывая в окно и набирая номер тестя, так что тот в конце концов отключил телефон. Потом, поняв, что не успевает в первом тайму, Стас махнул рукой и прихватил с собой в гараж планшет, посмотреть матч хотя бы на нем онлайн. Но едва он включил устройство, как выяснилось, что планшет полностью разряжен, ибо сын Станислава брал его с собой в институт, где повадился включать его во время лекций и просто записывать их, а сам в это время сладко подремывал. В итоге, к концу четвертой пары планшет полностью «сдыхал». Взять же с собой зарядное устройство Станиславу в голову не пришло. Ему удалось лишь ухватить ровно три секунды, когда игроки выходили на поле, а комментатор бодрым голосом представлял их зрителям, после чего планшет, пикнув, отключился, демонстрируя Крячко абсолютно черный экран. С досады Станислав чуть не хватил им о железную гаражную стену, но был вовремя остановлен благоразумным тестем.

Поломка машины оказалась серьезнее, чем рассчитывал Крячко, так что провозились они с тестем до половины двенадцатого ночи. Учитывая, что под конец февраля морозы усилились и перевалили за минус двадцать, обоим пришлось несладко. Станислав уже весь горел и чуть ли не подпрыгивал, поскольку первый тайм уже прошел, и он надеялся застать хотя бы второй. А тесть, словно нарочно, возился слишком долго, по мнению Станислава. Более того, когда работа была закончена, он выразил желание обмыть это дело «с устатку», высказавшись своим языком. В другое время Крячко охотно поддержал бы инициативу тестя, но сегодня он хотел полностью погрузиться в процесс просмотра игры любимой команды. И все же перечить тестю не стал, чувствуя себя обязанным. Правда, Станислав попытался осторожно и вежливо сослаться на то, что уже поздно и купить спиртное им не удастся, но выяснилось, что предусмотрительный тесть захватил бутылку водки с собой.

В итоге, когда они пришли к Станиславу домой, второй тайм шел полным ходом. Станислав ахнул, увидев, что «Спартак» уже «летит» ноль-три. Он быстро опрокинул стопку и уселся перед экраном в ожидании чуда и перемены ситуации коренным образом. Водка его уже не интересовала, равно как и душевные разговоры тестя, к которым тот основательно приготовился. Но тут, на счастье Станислава, в кухню вышла жена, и он с облегчением переадресовал тестя ей, а сам перебрался в зал.

Тестю вскоре наскучила компания дочери, которая принялась перечислять отцу собственные нужды и претензии, при этом водку пить отказалась, а одному ему было неинтересно. Станислав сидел в комнате, вперив немигающий взгляд в экран, подобно экстрасенсу, проводящему сеанс, молился про себя за победу «Спартака» и ни на что больше не реагировал. Так что тесть, махнув рукой, отправился домой, пока еще открыто метро. Жена ушла спать, оставив Станислава одного.

Но напрасно Крячко гипнотизировал экран, служа одновременно и Богу и черту – «Спартак» продул колоссально. Такого он выдержать не мог. Метался по комнате, осыпая ругательствами и любимый клуб, и тренера, и продажных судей, и Лигу Европы, и саму эту Европу, которая, как всем отлично известно, и Станиславу тоже, давно превратилась в «Гейропу», и это самое подходящее для нее название. Не успокоившись на этом – скучно, когда никто не слышит и не разделяет твоих высказываний, – Крячко набрал номер своего давнего друга и коллеги Льва Гурова и повторил все претензии ему лично. Гуров, хоть и смотревший иногда футбол, но относящийся и к нему, и к Европе куда спокойнее Станислава, явно не разделял настроений Крячко. В этой вопиющей ситуации его больше всего заботило, на кой черт Станислав поднял его посреди ночи и чего он сам не спит, когда им обоим рано вставать на службу. Крячко был окончательно добит такой позицией лучшего друга. Обозвав его «гнилым либералом», «пошлым обывателем» и «без пяти минут пенсионером со старческими интересами», он бросил трубку.

Выплеснув эмоции, Стас протопал на кухню, бухнул себе в стакан из оставленной тестем бутылки щедрую порцию водки, одним махом выпил ее и, обиженный на весь белый свет, отправился спать.

Утреннее настроение его было в унисон вечернему. Станислав поднялся хмурым и недовольным, за десять минут, пока собирался на работу, успел наорать на жену, сына и кошку и, в конце концов, вышел в подъезд, хлопнув дверью. По дороге он обнаружил, что забыл дома сигареты, но возвращаться не стал. Однако, сев за руль, все же немного утешился мыслью, что машину они с тестем вчера отремонтировали на славу, а все остальное можно и пережить. Нажав педаль газа, Крячко тронулся с места и поехал на работу, надеясь, что в главке ему удастся забыться от невеселых мыслей. Там, конечно, тоже, как правило, ничего веселого, но это другие заботы, которые позволят хотя бы переключиться.

Дорога, правда, тоже оказалась не из приятных – буквально через пять минут Крячко плотно застрял в пробке. Чтобы скоротать время, он включил радио, хотел послушать новости, но везде, как назло, сообщались комментарии ко вчерашнему злополучному матчу, посылая свежие сердечные раны Крячко крупной солью.

Станислав надулся, мрачно уставился в окно. Его соседи справа и слева, а также сзади с сердитыми лицами давили на кнопки, явно выражая свое недовольство чьими-то действиями. Вся улица озарилась длинным воем. Он высунулся из окна и понял, кто является объектом гнева автомобилистов. Впереди него, опережая всего на одну машину, плелся старенький «Опель», довольно пошарпанный. Сидевшего за рулем водителя видно не было: стекла машины были до того грязными, что эта грязь отлично выполняла функцию тонировки.

Сигнал светофора сменился на зеленый, и машины плавно потянулись вперед. «Опель» тоже тронулся с места, на этот раз словно очнулся, придав машине ускорение и направляясь к перекрестку.

Выехав на следующий участок дороги, он вдруг резко остановился как вкопанный. Не успевший столь же быстро затормозить следующий за ним водитель красной «Мазды», непроизвольно ойкнув, четко впечатался в бампер, а дальше пошла цепная реакция: в бампер «Мазды» с глухим стуком тюкнул побелевший от ужаса Крячко и тут же услышал противный стук и толчок собственной машины.

– Ах ты, чтоб тебя! – растерянно выговорил он, оглядываясь назад, где уже образовалась вереница из машин, так или иначе столкнувшихся друг с другом. Краем глаза Стас уловил, как из «Опеля» выпрыгнул водитель и, заметавшись, рванул в сторону. Вслед ему неслись угрозы и проклятия водителей, которые не могли покинуть свои машины, опасаясь автомобильного потока с обеих сторон.

Наплевав на возможную опасность оказаться под колесами, Крячко толкнул дверцу, выскочил из салона и крупными прыжками понесся за незадачливым гонщиком.

– Стой! – орал он на ходу. – Стрелять буду! Полиция!

Удирающий водитель ловко улепетывал, намереваясь скрыться за углом, однако разозленный Крячко в три прыжка настиг его и, не церемонясь, двинул крепким кулаком в ухо. Мужчина рухнул на землю, а Стас тут же рывком приподнял его и, находясь вне поля зрения ДПС, от души припечатал еще разок. Затем скрутил руки водителя, надежно сковав их наручниками, и потащил к месту происшествия. Туда, громко сигналижая, уже пробиралась машина ДПС, вызванная пострадавшими автомобилистами.

Движение было остановлено, многие вышли из своих машин и приблизились к перекрестку. На Крячко, ведущего поверженного виновника аварии, смотрели с уважением, и по лицам многих Станислав понял, что они охотно добавили бы водителю «Опеля» со своей стороны.

Из машины ДПС вышел мужчина в теплой зимней форме с погонами майора.

– Майор Новиков, – казенным голосом представился он. – Что произошло?

Все наперебой загалдели, эмоции взметнулись, и в течение нескольких секунд стоял гвалт и крик. Новиков поморщился, махнул рукой и, выбрав взглядом Крячко, обратился к нему:

– Вы водитель этой машины? – и указал на «Опель».

Крячко гневно отмел подобное предположение, не вдаваясь в подробности, достал служебное удостоверение и сунул майору под нос, решив, что оно будет красноречивее всяких слов. Это возымело должное действие, Новиков посмотрел на Крячко другими глазами и вежливо попросил объяснить, что произошло. Стас объяснил в двух словах, стараясь быть максимально кратким и выразительным.

– Карасев, – обратился Новиков к стоявшему рядом сержанту. – Запись с камеры мне давай. – Потом повернулся к водителю «Опеля», которого Крячко продолжал держать пристегнутым, и спросил: – Вы хозяин машины?

Водитель молчал.

– Ваши документы! – нетерпеливо потребовал Новиков.

Мужчина продолжал игнорировать вопросы, он как-то безвольно висел на руке Крячко. Новиков, нахмурившись, шагнул вперед и жезлом приподнял ему подбородок. Станислав тоже впервые за все время заглянул в глаза новоявленному недругу. Заглянул и все понял: взгляд был пустым, глаза полубезумными, зрачки неестественно расширившимися. Это был довольно молодой парень, худой и вертлявый, с прыщавым лицом.

– У-у-у! – присвистнул майор. – Понятно! Ну-ка дыхни!

Он достал прибор «Алкотестер» и сунул водителю под нос.

– Да тут наркота, похоже, – вставил Крячко. – Спиртным не пахнет. Да и глаза у него не пьяные, а обдолбанные!

Новиков решительно открыл дверцу «Опеля» и полез в бардачок за документами. Там было пусто.

– Машина ваша? – вновь обратился он к задержанному.

Водитель поднял голову и отрицательно замотал ею.

– А чья? – терпеливо продолжил Новиков.

На этот раз водитель лишь пожал плечами.

– Та-а-а-к, – со вздохом протянул майор. – Совсем хорошо. – Пару секунд он смотрел на вялое тело, потом жестко потребовал: – Багажник открой!

Парень виновато развел руками, точнее, одной, потому что вторая была прикована к руке Станислава Крячко.

Майор что-то досадливо пробурчал, выдернул ключ из замка зажигания и направился к багажнику. Подняв дверцу, он сунул руку внутрь, принявшись что-то ворошить. Зашуршал полиэтилен, и Новиков вдруг замер, непроизвольно открыв рот. Потом, еще раз присвистнув, посмотрел на Крячко, не в силах скрыть растерянности.

– Товарищ полковник... – проговорил он. – Тут, похоже, по вашей части...

Крячко тут же направился к багажнику. Заглянув в него, он понял причину замешательства майора: внутри лежал наполовину развернутый огромный черный пакет, из которого торчала человеческая рука...

Порыв ветра колыхнул полиэтилен, края его затрепетали, полностью открывая содержимое – скрюченное тело мужчины. Не было никаких сомнений в том, что человек этот мертв...

Крячко перевел мрачный взгляд на своего подконвойного. Несмотря на свое одурманенное состояние, тот явно понял, что происходит неладное. И куда серьезнее, чем виновность в порче нескольких автомобилей...

Парень несколько раз облизнул обветренные губы, на всякий случай попытался отодвинуться от Крячко подальше и, словно невзначай, пощупал браслет наручников.

– Даже не думай! – предупредил его Крячко. – Только руку себе покалечишь. Лучше сразу колись, за что мужика убил, – и мы тебя быстренько транспортируем в камеру. Там тепло и ветра нет. И за доставку денег не возьмем. Полицейские – народ добрый! – И хлопнул парня по спине с такой силой, что тот, охнув, согнулся пополам.

Стоявшие вокруг водители активизировались и вытянули шеи, однако майор Новиков, переложив ответственность за труп на полковника Крячко, быстро вернулся к своим обязанностям.

– Разошлись, разошлись! – зычно заговорил он, орудуя жезлом. – Вас собственные машины беспокоят или чужие проблемы? Все расселись по своим автомобилям и ждем страховую!

Упоминание о страховке за испорченное имущество, а также двадцатиградусный мороз сделали свое дело: водители, хоть и не слишком охотно, стали расходиться по машинам. А Новиков повернулся к Крячко. Тот по-прежнему пытался выбить признательные показания у глотавшего морозный воздух парня. Дождавшись, когда у того восстановится дыхание, Крячко снова спросил:

– За что убил мужика? И кто он такой?

– Я никого не убивал. – У парня вдруг прорезался голос – хриловатый, слабый.

– Да что ты говоришь? – ухмыльнулся Стас.

– Вы мне не верите? – с удивлением спросил водитель «Опеля».

– Ну, конечно, я тебе верю, – ласково произнес Крячко, заглядывая парню в глаза. – Я отлично понимаю, что этот мужик просто залез в твой «Опель», запаковался в пакет и решил таким образом переждать лютую зиму до весны. Наверное, ему просто негде было жить, вот он и воспользовался твоей машиной. Но что-то не подрассчитал – и умер. Наверное, от стыда за то, что не спросил разрешения у хозяина. Правильно? Так все было? Ну разумеется, так! Это же самая правдоподобная версия!

Он смотрел на парня с отеческим сочувствием и пониманием. Глаза того совершали какие-то кульбиты, явно пытаясь сфокусировать зрение. Крячко протянул руку и, сунув ее в карман куртки парня, вытащил оттуда паспорт.

– Отлично! – с удовлетворением произнес он, открывая его. – Еще одно убедительное доказательство, что ты добропорядочный гражданин – документы носишь с собой! Итак, Коно-

валов Артем Владимирович. Твою личность мы уже выяснили, осталось выяснить личность убитого. И надеюсь, у тебя хватит ума оказать нам в этом содействие.

По лицу Коновалова было видно, что он отчаянно пытается сосредоточиться и поставить на место собственные мозги, но те плохо поддавались. Взгляд его тоже по-прежнему оставался полувмняемым. Новиков вопросительно посмотрел на Крячко. Ему, разумеется, совершенно не хотелось принимать участие в разборках с убийством, да и не по его части это было, поэтому он предложил:

– Товарищ полковник, может, опергруппу вызвать?

Крячко и сам понимал, что без этого не обойтись. Понимал он также, что и ему, так или иначе, придется принять участие во внезапно упавшем на голову деле, хотя бы в качестве свидетеля, а вдобавок еще и выступать потерпевшим в ДТП наряду с остальными водителями, коих собралось человек шесть. Об этом наглядно свидетельствовали побитые машины, рядом выстроившиеся на проезжей части. А значит, предстоит метаться туда-сюда, давая показания и общаясь со страховой компанией и представителями ДПС. Он оказывался в сложном положении, и ему явно требовалась помощь. Посему, вздохнув, Stanislaw достал свой сотовый, одной рукой ткнул в номер, значившийся на панели среди самых главных, и произнес в трубку:

– Лева, привет! Ты уже в главке? Нет? Вот и отлично! Разворачивай свой драндулет и дуй на проспект Мира. Здесь труп. На месте объясню. Да, и будь другом, позвони нашим, пусть присылают туда же группу, а то мне одной рукой кнопки нажимать неудобно!

И, не дожидаясь реакции Гурова, отключил связь.

– Беда твоя надуманная, милая. Все будет хорошо. – Голос Ангелины был ласковым, успокаивающим.

– Вы уверены? – встрепелась Олеся. – Вы видите, что он жив?

– Жив, жив, – кивнула та. – И вполне себе здоров. Но... – Она сделала паузу.

– Что? – Олеся вцепилась в черную бархатную оборку на запястье Ангелины. – Что еще, говорите!

Ангелина тихонько вздохнула и с сочувствием посмотрела на Олесю:

– Тебе ведь мало знать, что он жив, правда? Ты хочешь вернуть его?

– Я... – Олеся растерянно посмотрела на собеседницу. – Вы что, хотите сказать, что он... исчез намеренно? Что у него другая женщина? – вскочила с кресла и схватила женщину за плечи: – Кто она, кто? Скажите мне!

– Успокойся, ты мне шею свернешь! – проворчала Ангелина. – Кто она – не скажу, чтобы ты глупостей не натворила. Да и далеко она, не достать тебе ее! А вот насчет вернуть...

– Вы можете это сделать? – с надеждой спросила Олеся.

– Милая моя! – покачала головой Ангелина. – Я – потомственная ведунья! Моя бабка была ведуньей, а ей дар прапрабабка передала, которая по всей губернии была известна! К ней, между прочим, сам царь приезжал! Николай II, вот так! И она ему предрекла насильственную смерть вместе со всей семьей! А он, болезный, не поверил и денег ей не заплатил, отказался. Чего, говорит, старая ведьма, кармаешь? А не прошло и трех месяцев, как его... Ну, сама знаешь, в школе небось училась.

– Да, конечно, – потрясенно произнесла Олеся.

– Так вот, бабка моя, внучка той прабабки, дар тот сохранила. Правда, она в такое время жила, что пользоваться им было опасно! Сталинские времена, чего ты хочешь. Но она поистине святой человек была! Когда из их деревни мужиков на фронт забирали, она над каждым молитву прочитала и каждому оберег с собой дала. Один только Семен-кузнец отказался, да еще и посмеялся над ней. Она ему говорит – тогда не убережешься от смерти, а он и слушать не хочет. Бабка опять – возьми, Семен, оберег, иначе погибнуть тебе от зверя! А Семен аж покотился со смеху. Пошла, говорит, прочь, я и без тебя уцелею! Он здоровый был, руками

подковы гнул, не болел никогда, на медведя ходил в тайгу! Так в себе уверен был, что и пули не боялся, а тут зверя какого-то! Словом, не поверил он бабке моей. И правда, до самой победы довоевал без единого ранения. И что ты думаешь?

– Что? – прошептала Олеся.

– Все как один мужики с войны целехонькими вернулись! – Все, кроме Семена-кузнеца! До победы-то он дожил, домой поехал – вся грудь в орденах. Да-а-а... Жена его к воротам по десять раз на дню выбегала встречать, он письмо прислал, что возвращается. Все сроки вышли – а его нет и нет. А потом оказалось, что его свора собак разорвала! Вот так! Нельзя над даром смеяться, грех это! – закончила Ангелина строго, в назидание подняв указательный палец, униженный перстнями.

– Простите, я совсем не хотела вас обидеть, – принялась извиняться Олеся. – Я просто хотела быть уверенной, что вы сможете.

– Смогу, – убежденно проговорила Ангелина. – Но только... – и многозначительно посмотрела на Олеся.

– Да, да, я понимаю, – закивала та, расстегивая сумочку. – Сколько вы хотите?

– Для начала аванс, сто тысяч, – небрежно бросила Ангелина.

– Сколько? – У Олеся от удивления вытянулось лицо.

– А что ты хочешь, милая? Работа немалая мне предстоит, трудная! И ингредиенты специальные достать нужно, а я их из-за границы выписываю. Знаешь, во сколько они мне обходятся?

Ангелина сощурила темные глаза, подведенные черными стрелками так густо, что было непонятно, какого они на самом деле цвета. Олеся машинально кивала, в голове прокручивая, какую же сумму Ангелина запросит за всю работу и где ее достать. Все свои сбережения придется потратить, да и то, может, не хватит... Она посмотрела на Ангелину. Та мгновенно, наметанным глазом поняла, что означает этот взгляд, и, придав собственному еще больше сочувствия, произнесла:

– Не могу прямо на беду твою смотреть. Вижу, как убиваешься. Сразу видно, любишь ты его сильно. Так и быть, сделаю тебе скидочку. Только деньги обязательно завтра приноси. Чем скорее работу начнем, тем быстрее он к тебе вернется. И любить станет крепче прежнего. А что нам надо, женщинам, как не любви, верно? – Она заговорщицки подмигнула Олеся. – Разве женское счастье деньгами меряется? Вот тебе наглядный пример – я. Вроде и деньги у меня есть, и уважение от людей, и красота моя еще при мне, а главного все равно нет. Ни семьи, ни мужа. Вот так.

– Как же так получилось? – спросила Олеся. Ей почему-то не приходило в голову задуматься, а как обстоят дела в личном плане у самой Ангелины. – Вы же ведунья! Потомственная!

– В том-то все и дело, – вздохнула Ангелина и продолжила доверительным тоном: – За все в этой жизни, деточка, приходится платить. Бабка-то мне свой дар не просто так передала. За него пришлось личным счастьем пожертвовать.

– И вы согласились?

– А меня никто и не спрашивал! Это уж после бабка призналась, когда помирала, а я у нее спросила, почему у меня ни с кем не складывается.

– А вы не могли от этого отказаться?

– Нет, милая. Поздно! Я обет на крови давала. Обратной дороги нет. Но я ни о чем не жалею! Судьба такая мне свыше уготована. А разве это дурное дело – людям помогать, счастье их строить? Вон я сколько чужих судеб спасла! И тебе помогу. Прямо завтра обряд и проведем, я как раз вчера посылку получила с новыми ингредиентами. Так что завтра деньги привози – и начнем. Чего тянуть-то?

– Скажите, а это не страшно? Ну... в смысле не грех? – спросила Олеся и густо покраснела, смутившись от своего вопроса.

– Тебе бояться нечего, – махнула рукой Ангелина. – Грех-то весь я на себя беру. Еще и поэтому цена такая большая. Вам счастье – мне грехи замаливать. Все честно. Да в твоём случае грех-то небольшой! Мы же не чужое с тобой берем – свое вернуть хотим! Можешь, конечно, отказаться, – великодушно дала она задний ход. – Но... Истории-то я не зря тебе рассказывала, это все – правда. Вот что бывает, когда голоса судьбы не слушаешь, отмахиваешься от него. И отменить это не в моей власти. Это компетенция того, кто выше меня, выше нас всех!

Олеся стало жутко. Ей захотелось поскорее покинуть эту комнатку с зажженными свечами, с расставленными по углам завядшими цветами, всю пропахшую тошнотворно-сладковатым запахом ладана и воска, сушеных трав, терпких духов Ангелины и еще чем-то непонятным. Она хотела подняться, но не могла, словно какая-то неведомая сила удерживала ее на стуле. А Ангелина продолжала пристально смотреть на нее. Наконец она выдохнула:

– Ступай. Вижу, что ты все правильно поняла.

Олеся попыталась встать, и – о чудо! – у нее получилось. Вскочив на ноги, она метнулась к двери и оттуда быстро-быстро закивала головой:

– Да-да-да, я все поняла! Я приду завтра, обязательно!

– Жду тебя ровно в шесть, – проговорила Ангелина и улыбнулась. – Не бойся, деточка! Будет тебе счастье!

Олеся выскочила за дверь как ошпаренная.

«Не может быть, не может быть, это все нервы, – уговаривала она себя, шагая по обледеневшему асфальту. Полы незастегнутой в спешке дубленки развевались от ветра, а Олеся было жарко. Щеки ее пылали, и девушка на ходу прикладывала к ним маленькие ладони. – Ни за что больше не пойду туда! Страшно! Даже рассказать кому-нибудь – и то страшно. Нет, я просто не пойду! И все будет хорошо. Ничего со мной не случится, никто меня дома не тронет. Все будет хорошо!»

Но уже на следующий день в шесть часов вечера Олеся стояла на крыльце двухэтажного домика, перед дверью, на которой висела табличка «Ангелина»...

А Ангелина после ухода девушки устало зевнула, скривив рот на сторону, стащила с головы опостылевший черный платок, под которым кожа головы потела и немилосердно чесалась, потянулась и прикурила сигарету от зажженной свечи. Откинувшись на спинку кресла, она вытянула ноги и невольно уставилась в стоявшее на столике зеркало в черной рамке. Зеркало отразило ее лицо – лицо уже не очень молодой женщины с поблекшими глазами, морщинками вокруг них, поплывшим подбородком и вялым ртом. От созерцания этой картины ей стало неприятно, и Ангелина раздраженно отвернула зеркало.

Видимо, она слишком сильно задела его, потому что зеркало вдруг покачнулось на тонкой ножке, а затем со звоном рухнуло на пол. Поджав под себя ноги и спасаясь таким образом от десятков мельчайших острых брызг, Ангелина невольно взвизгнула.

– Что такое? – послышался голос от двери.

Она повернулась в ту сторону и недружелюбно спросила:

– Чего пришел?

– А что, родную сестру навестить нельзя?

– Знаю я, зачем ты приходишь. – Ангелина тяжело поднялась с кресла, осторожно прошла в угол, где стояла щетка на длинной ручке, и принялась сметать осколки в совок. – Зеркало вот грохнуло! – ворчала она. – Лишние расходы, и вообще – примета плохая! Так и знала, какая-нибудь дрянь случится, и точно – ты вон приперся! Теперь еще что-нибудь случится.

– Это еще почему?

– Потому что беда – она одна не приходит. Это я хорошо знаю.

Ангелина опустила руки и задумалась. Почему-то после того, как разбилось зеркало, которому и цена-то три копейки – сама купила на вьетнамском рынке, обложила бумагой и покрасила черной краской, – на душе у нее противно заныло. Что-то такое чувствовало ее

сердце, даром что никакой потомственной ведуньей она не была, а происходила родом из Урюпинской станицы, и бабка, равно как и прабабка, были доярками, а из всех народных средств лечения пользовались подорожником – снаружи и водкой – внутрь.

Она выглянула в окно. Мрачная черная туча напознала на солнечный диск, полностью закрывая его своей массой. В комнате, где догорали лишь свечи, тоже стало темно. И такая же темнота царила в душе у Ангелины.

Полковник Гуров прибыл на проспект Мира через двадцать минут после звонка Крячко. Причем ему пришлось притормозить за два квартала, поскольку дальше движение было перекрыто. Еще издали он заметил огороженное место ДТП, на котором расположились несколько автомобилей и целая кучка водителей.

Пробираясь к оцепленному месту, Гуров недоумевал, почему среди машин нет кареты «Скорой помощи». Из разговора с Крячко он сделал вывод, что тот попал в серьезное ДТП со смертельным исходом. Следовательно, должны быть и еще пострадавшие. Однако ничего такого не наблюдалось, по крайней мере издали.

Пробравшись, наконец, к месту аварии, Гуров увидел Крячко в компании долговязого парня. Парень был прикован к левой руке Стаса наручниками и, когда тот поворачивался, вынужден был повторять его траекторию. А так как Станислав двигался размашисто, амплитуда колебаний парня увеличивалась. Он сосиской мотался из стороны в сторону, несколько раз поскальзываясь и грозя упасть на заледеневший асфальт, и только оковы мешали ему сделать это.

Достав на ходу удостоверение, Гуров показал его майору ДПС и, получив молчаливый кивок, двинулся сразу к Крячко.

– В чем дело, Стас? Где труп, где пострадавшие и при чем тут мы?

– Не части, Лева, – отозвался Крячко. – Пострадавших, слава богу, нет, в том смысле, который тебя волнует. Труп, правда, есть. Вот он. – И Стас кивнул в сторону стоявшего впереди других машин на середине дороги «Опеля» с открытым багажником.

Когда Гуров заглянул внутрь, он увидел торчащие из полиэтиленового пакета человеческие конечности.

– Ничего себе! – воскликнул он и тут же потребовал: – Рассказывай!

Крячко передал ситуацию и, склонившись к висевшему на нем парню, несильно ткнул его в бок:

– Эй, ты! Показания давать будем? Или так и замерзнем здесь намертво? Вон лично полковник из МВД по твою душу прибыл!

Гуров, вообще-то, прибыл лично по просьбе своего лучшего друга, а по душу Коновалова как раз подъезжала машина опергруппы. Он пристально всмотрелся в глаза Коновалова, который к этому моменту совсем закоченел в легкой куртке и тапочках и, кажется, полностью утратил способность не только говорить, но и соображать.

– Так, все ясно. Ни о каких показаниях речи быть не может, пока он не придет в себя. Личность установили?

– Да. – Крячко протянул ему паспорт Коновалова.

Просматривая его на ходу, Гуров обронил:

– Нужно связаться с главком, пусть пробьют по базам, может быть, человек уже засвечен где-нибудь. Стас, ты все равно остаешься здесь, прими опергруппу и сориентируй. А я пока наведаюсь к нашему лихому гонщику домой. Там должны остаться следы преступления, вот я их горячими и проверю.

– А если он его... – осторожно качнул головой в сторону багажника «Опеля» Станислав, – не дома замочил?

– Значит, будем искать место преступления, – пожал плечами Гуров. – Но, думается мне, все-таки дома. Посмотри на его ноги. В тапках он вряд ли по городу разгуливал. Значит, вышел из дома и погрузил труп в машину, чтобы от него избавиться. Кстати, кому принадлежит машина, выяснили?

– Пока нет, но точно не ему.

– Выясните обязательно. Значит, этого, – кивнул Лев на дрожащего Коновалова, – в машину, держать под присмотром, глаз не спускать. Потом вместе с опергруппой к нам, там он придет в чувство, а после я с ним сам побеседую.

– Вот славно-то! – обрадовался Крячко. – А то я уже устал его на себе таскать! Он хоть хилый, а тяжелый, собака! Висит на мне, как куль с мукой. Слышь, ты! – Он подтолкнул Коновалова в спину. – Шагай давай!

Прежде чем уехать, Гуров еще раз подошел к багажнику и заглянул внутрь. Осторожно отогнув край пакета, посмотрел на труп. Он сильно заоченел, и когда полковник коснулся его рукой, то почувствовал, что тот твердый, как камень. На краях пакета виднелись замерзшие следы крови, но, куда нанесена была рана и чем, внешне видно не было.

Лев посторонился, пропуская к машине прибывшего следователя и судмедэксперта. Обоих он знал хорошо, поскольку это были сотрудники главка, которых он сам же и вызвал. Коротко изложив обстановку, Гуров отправился на улицу Руставели, где в одном из домов был зарегистрирован Артем Коновалов.

Глава 2

Гуров прошел в подъезд, приложив к домофону ключ, изъятый у самого задержанного, и, поднявшись на пятый этаж, остановился у дверей нужной квартиры, прислушиваясь. Полковнику показалось, что изнутри доносится какой-то приглушенный шум. На всякий случай достав пистолет и сняв его с предохранителя, он спрятал руку со стволом в карман, а левой позвонил в дверь. Никто не открывал, и Лев повторил звонок, отметив при этом, что шум не исчез.

Он уже собирался открыть дверь сам, как послышалось какое-то шлепанье, похожее на шум босых ног по полу, дверь отворилась, и на пороге предстала молодая девица, все одеяние которой составляли длинные прямые волосы, не слишком чистые и по этой причине непонятно цвета. Девица уставилась на Гурова остекленевшим взглядом, который очень походил на взгляд Артема Коновалова, из чего полковник сделал вывод, что она по уши накачана той же наркотой.

– Добрый день, милая, – расплылся он в улыбке. – Позвольте пройти?

Девица как робот посторонилась, и полковник, пройдя в прихожую, быстро осмотрелся. Левый коридор вел в кухню, и он вначале заглянул туда. Кухня являла собой не лучший образец данного помещения: загаженный стол уставлен грязной посудой, в которой тушили окурки; на плите перевернутый ковшик с вывалившимися из него раздувшимися пельменями; в мусорном ведре, стоявшем прямо в центре, обертки каких-то препаратов и использованные шприцы. Жилище очень наглядно характеризовало своих хозяев.

Гуров покинул кухню, пройдя мимо застывшей девицы, которая по-прежнему безучастно стояла в прихожей – ни дать ни взять Венера Милосская. Собственно, в квартире была только одна комната, куда полковник и заглянул, уверенный, что, кроме девицы, здесь никого нет. И ошибся.

Едва войдя в комнату, он чуть было не получил удар по голове, однако успел заметить мелькнувшую слева тень и среагировал мгновенно, выставив левый локоть вбок, а затем резко двинув им назад. Таким образом он прервал направленный на него удар тяжелой пепельницы, которая выпала из рук нападавшего, а удар локтем под дых вызвал у того булькающий звук.

Повернувшись, Гуров увидел плечистого парня, прятавшегося за дверью, поджидая его. Удар Гурова ненадолго лишил парня сил, но он тут же снова ринулся в бой. Увернувшись, сыщик отметил, что глаза того также налиты безумием. Однако, несмотря на это, парень, пусть и не обладавший ловкостью и быстротой реакции, был очень силен физически.

Взревев, он обеими руками схватил полковника поперек корпуса и повалил на пол. При падении Гуров слегка ударился головой о спинку стула, который нападавший тут же схватил и занес сверху, не останавливая его даже вид направленного на него пистолета.

– Стой, стреляю, полиция! – заорал во весь голос Гуров, но парень с перекошенным лицом в ярости уже опускал стул ему на голову.

В последний момент Гуров успел уклониться, одновременно подняв ноги и ударив ими парня в живот. Тот согнулся, охнув, выронил стул, и этого хватило, чтобы полковник моментально вскочил на ноги и ударил его рукояткой пистолета по голове. Силы, вложенной в удар, он не пожалел, и парень тут же начал оседать на пол.

Гуров уже сунул руку в карман за наручниками, как вдруг почувствовал жгучую боль на шее. Инстинктивно схватившись за больное место, он ощутил что-то острое и мягкое одновременно. Мгновенно поняв, что это, сильно сжал пальцы, вцепившиеся ему в шею. Раздался истошный визг.

Это девица неожиданно и совершенно бесшумно подошла сзади и вцепилась полковнику в шею пальцами с длинными острыми ногтями. Гуров выворачивал ее пальцы назад, девица

отчаянно верещала, а сидевший на полу парень завозился, готовясь подняться на не совсем твердых ногах.

Церемониться было некогда, поэтому Гуров ударом в солнечное сплетение нейтрализовал сначала девицу, швырнув ее обмякшее тело на продавленный диван. Но парень с неожиданным проворством вскочил и кинулся к полковнику, ногой выбив у него пистолет, а затем навалился на него всем телом, опрокинув на тот же диван, на котором валялась бесчувственная девица.

Он был гораздо мощнее и тяжелее Гурова, и тот чувствовал, насколько трудно ему справиться с этой машиной, давившей сверху всей массой. А сильные, словно чугуном налитые руки уже обвили вокруг горла полковника и сдавливали его подобно давящему прессу. Гуров, задыхаясь, вцепился в эти руки, но они словно принадлежали не человеку, а машине. Стараясь выбраться из-под нападавшего, полковник скосил глаза и увидел на полу сбоку пистолет. Он вытянул ногу, пытаясь дотянуться до него, хотя в таком положении и от пистолета было мало толку – он просто не смог бы поднять его с пола, даже если бы дотянулся ногой.

Кислорода не хватало катастрофически, перед глазами уже поплыли пурпурные круги, сознание начало мутиться, и Гуров с безнадежностью обреченного понял, что наступает конец, и одновременно почувствовал всю нелепость, даже абсурдность ситуации. Голова его билась под телом парня, организм еще боролся за жизнь, отчаянно пытаясь ухватить хоть глоток воздуха, но все было напрасно.

Собрав последние силы, Гуров резко дернул головой, пытаясь вцепиться зубами в руку душившего его громилы. Давление ослабло, но он в первое мгновение даже не ощутил этого. И все же железная хватка на горле ослабла, руки душившего обмякли и упали вниз, а следом на пол с оглушительным грохотом повалился он сам.

Гуров сел на диване. Некоторое время он не мог ни двинуться с места, ни произнести ни слова, ни вообще оценить обстановку – только тяжело и часто вдыхал воздух, казавшийся сейчас волшебной субстанцией, возвращающей к жизни.

Окончательно наполнив кровь кислородом, полковник смог, наконец-то, осмотреться. Позади поверженного громилы стоял мужчина средних лет, подтянутый и мускулистый, и с тревогой смотрел на него. В руках у мужчины ничего не было.

– Оклемались? Ну и слава богу! – Незнакомец шагнул к нему, с озабоченным видом приложил палец к шее, потом заглянул в глаза и удовлетворенно кивнул: – Все в порядке, жить будете.

– Вы кто? – выговорил Гуров, удивляясь, насколько слабо и хрипло звучит его голос.

– Юрий Петрович Кухлинский, – представился мужчина, протягивая руку. – А вас, позвольте спросить, как занесло в этот гадюшник?

Гуров ответил на рукопожатие и стал подниматься с дивана. Кухлинский хотел было ему помочь, но он отвел его руку, однако в следующее мгновение колени его задрожали и подогнулись, и он чуть не упал. Сильная рука Кухлинского поддержала его.

– Не стоит после кислородного голодания совершать резких движений, – заметил он. – И вообще лучше посидеть.

– Вы врач? – вернувшись на диван, спросил Гуров.

– Нет, я спортсмен, мастер спорта по боксу. Так что вполне способен справиться с такой тушей, – показал Кухлинский глазами на парня, которого профессиональным ударом отправил в глубокий нокаут.

Гуров полез в карман и достал свое служебное удостоверение.

– А-а-а, понятно, – заглянув в него, кивнул Юрий Петрович. – Давно пора прикрыть этот притон! Только что ж вы один сюда пришли?

– Я вам крайне благодарен за свое спасение, – усмехнувшись, произнес Гуров уже несколько тверже, – но все же обязан задать несколько вопросов. Вы сами-то как здесь оказались?

– Да я живу здесь, – объяснил Кухлинский. – На этой же лестничной площадке, только в соседнем боксе. Поднимался по лестнице, увидел открытую дверь, услышал крики... Собственно, все уже к этому привыкли и не удивляются, но все же... Вот решил зайти посмотреть, что к чему, и, оказалось, не зря.

– Еще как не зря, – через силу улыбнулся Гуров. – Если бы не вы, даже не могу представить, что бы я сейчас чувствовал и с кем беседовал. Где-нибудь на небесах.

– Ну, туда мы всегда успеем. Так о чем вы хотели спросить?

– Что вы можете сказать о жильцах этой квартиры? И кто они вообще? – Гуров постепенно возвращался к привычной роли оперативника.

– Эти-то? – Кухлинский поочередно посмотрел на парня и девуцу. – Да я их вообще не знаю! Здесь живет парень, Артем. Квартиру свою давно превратил в наркоманский вертеп. Вот такого рода личности у него постоянно ошиваются. – Он снова кивнул на парня с девуцей. – Думаю, сосед и сам не помнит, как каждого из них зовут. Родители его умерли пять лет назад, вот он и покатылся на дно.

Гуров пожалел, что у него с собой нет фотографии убитого мужчины – он слишком спешил и не стал дожидаться, пока фотограф-криминалист сделает снимки. Поэтому он обратился к Кухлинскому со словами:

– Очень сожалею, что приходится напрягать, но я вынужден попросить вас задержаться и ответить на несколько моих вопросов.

– Да ради бога, – пожал плечами Кухлинский и взглянул на часы: – Если до шести вечера успеем, то никаких проблем.

– Более чем, – успокоил его Гуров. – А почему именно к шести? Ночная работа?

– У меня тренировка в шесть начинается, – пояснил тот. – Здесь, при доме, я спортивный клуб организовал, открыл при нем секцию по боксу.

– Похвально, – кивнул Гуров. – И еще раз спасибо за понимание. Только вначале я осмотрюсь здесь, если не возражаете. А вы присмотрите, пожалуйста, за нашими задержанными.

Он подобрал с пола свой пистолет, на всякий случай еще раз приложился им к макушке парня, после чего надел на него наручники. Сдернув с мятый постели несвежую простыню, быстро скрутил ее и крепко привязал руки девушки к ножке дивана. После чего с облегчением выдохнул и смог, наконец, перейти к осмотру квартиры.

Первым делом Лев опустился на колени и самым тщательным образом стал осматривать пол, надеясь обнаружить на нем следы крови. В нос сразу же ударил затхлый запах, ноздри быстро стали забиваться пылью. Под диваном катались комья свалявшегося пуха, волосы, крошки, к тому же были обнаружены две тарелки с намертво присохшими к ним давнишними остатками еды. Но ничего похожего на кровь навскидку обнаружить не удалось, и он подумал, что придется отправить сюда эксперта со специальным прибором, реагирующим на кровь.

Кухлинский, стоя у стены, с сочувствием наблюдал за Гуровым и даже предложил помощь, но тот отказался. Здесь нужен был профессиональный осмотр, к тому же Кухлинский мог по неопытности уничтожить следы, а заодно оставить свои там, где не нужно. Поэтому Гуров продолжал методично осматривать комнату, перебирая белье в шкафах, вещи в комоды и серванте. А мимоходом разговаривал с Кухлинским.

– И давно у вас этот клуб? – переходя от шкафа к письменному столу, поинтересовался он.

– Да уже четвертый год, – охотно отозвался Юрий Петрович.

– И что, многие у вас занимаются?

– Больше двух десятков ребят. В основном молодежь.

– Что ж, вполне неплохо для трех лет, – одобрил Гуров.

– Это сейчас, а поначалу совсем никого не было. Так, пара-тройка ребят приходили, да и то чтобы просто поглазеть. Разок позанимаются и исчезают. Я даже прикрывать хотел лавочку, но решил подождать. Спасибо, жена отговорила. Да и чем мне еще заниматься? Я ведь, кроме бокса, считай, ничего и не умею. Половину жизни ему отдал, вот так. Если бы не случай, чемпионом России точно был бы, – уверенно заявил Кухлинский.

– Что же случилось? – больше из вежливости поинтересовался Гуров, перебирая валявшиеся в беспорядке предметы одежды – футболки, рубашки, брюки, свитера.

– Не повезло, – пожал плечами Кухлинский. – Во время отборочного поединка неудачно ударил соперника, в итоге – перелом кисти в двух местах. И все. О карьере чемпиона можно забыть. Пришлось заново искать свое место в жизни.

– И вы, я так полагаю, его нашли.

– Знаете, можете не верить, но нашел! Я ведь когда секцию открывал, думал, что это так, временно. Денег заработаю – бизнес открою. А потом, когда с ребятами ближе познакомился, окунулся в процесс – сам не поверил, насколько затянуло! Ведь бокс – это не просто мордобой, как многие думают. Это особое искусство! И передать суть этого искусства молодежи способны не многие тренеры. Так что тут еще и воспитательный элемент присутствует. Бокс многому учит, формирует характер. И когда на моих глазах обычный парнишка превращается не просто в боксера, но в человека, в личность – вот это, скажу вам, ценно.

– То есть вы открыли в себе педагогический дар? – усмехнувшись, констатировал Гуров.

– На дар не претендую, но определенную способность – безусловно! Знаете, если бы мне пять лет назад сказали, что мое призвание – педагогика, я бы рассмеялся и не поверил. А судьба вон как все повернула! И я благодарен ей за все. Даже за ту травму. Ведь если бы не она, я бы так и не узнал, насколько это здорово – ребят тренировать. Вот, к примеру, полгода назад пришел ко мне мальчишка, из нашего же двора. Семья нормальная, но пацан при этом совершенно заброшен. Дома родного у него, по сути, и нет. А у нас в секции он его обрел. С ребятами подружился, со мной, многому научился – это помимо бокса!

Чувствовалось, что Кухлинский и впрямь любит свой клуб, относится к нему как к своему детищу и готов рассказывать о нем безостановочно. Но Гуров уже закончил предварительный осмотр комнаты, дальнейшее должны были завершить эксперты, а ему пора было перемещаться в другие помещения. Он бросил оценивающий взгляд на скрученных парня и девушку, потом подошел и проверил карманы спортивных брюк парня. Никаких документов там не оказалось, лишь зажигалка и пара смятых бумажек по пятьдесят рублей. Что касается девицы, то ее «одевание» из одних распущенных волос не представляло для осмотра полковника никакого интереса.

– Не думаю, что что-то случится, но, на всякий пожарный, присмотрите за ними, хорошо? – попросил Гуров Кухлинского и, получив утвердительный кивок, перешел в кухню.

Возиться в напрочь загаженной кухне было небольшим удовольствием, но он невозмутимо стал перебирать руками в перчатках грязную посуду, объедки на столе, затем, вывалив содержимое мусорного ведра на расстеленную пленку, внимательно его рассмотрел.

Использованные шприцы с остатками препарата, а также упаковки из-под таблеток аккуратно упаковал в полиэтиленовые пакеты, присовокупил к этому частицы недоеденной пищи с тарелок и перешел к осмотру пола и внешних поверхностей мебели.

Собственно, мебелью это можно было назвать с большой натяжкой: вместо кухонных стульев наличествовали деревянные ящики, покрытые старой, порванной клочьями клеенкой, стол выдвигал такие виды, что по жизненному опыту мог соперничать с самим полковником Гуровым, холодильника не было вовсе, кухонный гарнитур заменяли какие-то шкафчики и самодельная тумбочка. Артем Коновалов, ступивший после смерти родителей на крайне несправедный путь, квартиру запустил основательно...

Но не это больше всего интересовало Гурова, а наличие возможных следов преступления в этом жилище. Однако пока что ничего подобного найти не удавалось. И лишь когда он перешел в ванную, эти самые следы буквально бросились ему в глаза: в проржавевшей и отбитой в нескольких местах ванне явственно виднелись красно-бурые потеки...

Гуров достал ватную палочку, провел ею по краю ванной и, собрав застывшие частички, тщательно запаковал в пакет. Затем осмотрел пол. На нем также имелись следы, очень похожие на засохшую кровь, которую, судя по всему, даже не пытались отмыть.

Завершив осмотр, Лев набрал номер отдела экспертизы и распорядился приехать по адресу Коновалова. Дождавшись приезда бригады экспертов, он обратил свое внимание на парня и девушку. Что касается первого, то тот уже начал приходить в себя и, обнаружив, что руки его закованы в наручники, в нецензурных выражениях высказал свое несогласие с этим фактом. Но Гуров даже не слушал его. Его немного беспокоила девушка, которая совершенно не подавала признаков жизни, однако, оттянув ей веко, он удостоверился, что та просто банально спит.

– Ну что, – повернулся Гуров к следящему за ним Кухлинскому, – побеседуем?

Тот с готовностью кивнул, и Гуров перешел к вопросам.

По словам тренера, Артема Коновалова он видел последний раз вчера вечером, когда сосед выходил в магазин. Они столкнулись у подъезда, и было это в половине одиннадцатого. В поведении Коновалова Кухлинскому ничего не показалось странным или ненормальным, в том смысле, что оно и так в последнее время сильно отличалось от понятия «норма». То есть Коновалов, по утверждению боксера, выглядел как обычно: с темными кругами, нервный, движения неуверенные, взгляд потухший. Кухлинский поздоровался с ним, но Коновалов быстро и неразборчиво ответил на ходу, при этом поспешно проскользнул к себе в квартиру, открыв дверь трясущимися руками. В правой руке у него был полиэтиленовый пакет, содержимого Кухлинский не разглядел. Через некоторое время из квартиры Коновалова стали доноситься звуки музыки и громкие голоса, в том числе и женские. Никого из присутствующих у Артема в гостях он не видел.

Гуров задумчиво покивал. Откуда в квартире Коновалова взялся неизвестный мужчина? А если его убили вне ее пределов, то как Коновалов с ним пересекся? И почему тогда в ванной Коновалова следы крови? Правда, пока непонятно чьей...

При этом он отдавал себе отчет, что убийство вполне могло произойти и не вчера вечером. Нужно будет показать фото убитого не только Кухлинскому, но и другим соседям – возможно, кто-то видел его в этом доме.

– Мне нужно будет показать вам фото одного человека. По предварительным данным, он был убит здесь. Фото пока не готово, но как только оно будет сделано, я вам его предъявлю. Поэтому мне нужны ваши данные регистрации и по фактическому проживанию, – сказал он.

– А они у меня совпадают, – ответил Кухлинский и достал паспорт.

Гуров сфотографировал нужные страницы, а Кухлинский тем временем произнес:

– Если что, по вечерам меня всегда можно застать в клубе. С шести до десяти ежедневно я там. Даже в выходные.

– Буду иметь в виду, – ответил Гуров. – Не смею вас дольше задерживать, единственная просьба – поможете их упаковать в машину? – кивнул он на парня с девушкой.

– О чем речь? – пожал плечами Юрий Петрович и шагнул к парню.

Рывком приподняв его с пола, он развернул его спиной к себе и, подталкивая в спину, за которой прочно были заведены руки парня, в быстром темпе погнал его впереди себя.

– Вас бы к нам в оперативники, – с восхищением проговорил Гуров.

– Спасибо, мне моя работа нравится! – на ходу бросил Кухлинский, но чувствовалось, что ему польстило замечание полковника.

С девицей Гуров решил вопрос быстро: просто развязал узлы простыни на руках, оценив ее, осмотрел и, завернув обнаженную девицу в эту же простыню, подхватил ее под мышки, взвалил себе на плечо и потащил к двери. Прибывшим экспертам он доложил обстановку, отдал необходимые распоряжения и направился к лестнице. Нужно было спешить в главк, чтобы узнать результаты наработки группы, прибывшей на место ДТП, а заодно, как обстоят дела у Крячко.

Собственно, Гуров пока официально не вел дело об убийстве, а в ситуацию вмешался лишь потому, что в ней оказался задействован Станислав Крячко. И вполне могло случиться так, что дело будет вести вовсе не его отдел. Но пока в этом вопросе не было определенности, он не собирался отказываться от него. Более срочных дел у него все равно не было, а оставлять Крячко один на один с бедой ему не хотелось. Впрочем, бедой это считал сам Станислав, любивший порой приbedняться и выставлять себя жертвой. Гуров же считал утренний эпизод лишь неприятным инцидентом. Для Крячко, разумеется, а не для погибшего.

Затолкав вместе с Кухлинским задержанных в машину Гурова, они с тренером попрощались, и полковник поехал в главк, куда прибыл через полчаса. Девица за это время так и не проснулась. Парень пытался протестовать, но полученные в квартире Коновалова серьезные удары существенно снизили уровень его активности, и вскоре, поняв тщетность своих попыток, он притих. Отправившись к медикам управления, Гуров распорядился, чтобы парочку привели в чувство и, если понадобится, провели детоксикацию, сам же направился в свой кабинет.

Станислава Крячко там не было, и Лев набрал его номер.

Станислав сообщил, что работа опергруппы на месте ДТП уже закончена, и она отбыла в главк, так что скоро должна подъехать. Сам же Крячко вынужден еще немного задержаться, решая вопросы с ДПС и страховой компанией.

– Давай, как закончишь – сразу в главк, – распорядился Гуров. – Не вздумай там в пивбар завернуть или в магазин автозапчастей прошвырнуться – нам сначала с убийством надо разобраться. Хотя бы с тем, кто будет его расследовать.

– Какой разговор, Лева! – обиделся Крячко. – Буду как штык!

– Лучше как опер, – пожелал на прощание Гуров и позвонил следователю, выехавшему на место происшествия. Тот сообщил, что группа только что вернулась, и он уже собрался идти к нему, как на столе зазвонил телефон. Это был аппарат для внутренней связи, и звонил по нему только генерал-лейтенант Орлов. Поэтому Гуров остановился и снял трубку.

– Лева, привет! – Голос Петра Николаевича звучал спокойно, даже чуть небрежно. – Слушай, там группа на проспекте Мира работу закончила, так что сгоняй к следователю и с экспертами побеседуй. А потом сразу ко мне. Крячко с собой прихвати. Жду. – И генерал-лейтенант повесил трубку.

Таким образом Орлов дал понять, что он в курсе как ДТП на проспекте Мира, так и участия в нем Гурова и Крячко, следовательно, делать что-либо за его спиной не имеет смысла. Правда, он не оговорил, что Гурову придется заниматься трупом, найденным в багажнике, но полковник уже и сам это понял. Подробности, скорее всего, будут обсуждаться непосредственно после получения Гуровым информации от опергруппы. Проанализировав все это, Лев направился к следователю.

Следователь Вавилов был чуть моложе Гурова, но не менее опытным сотрудником Главного управления МВД. Лев рассчитывал, что легко найдет с ним общий язык в этом деле – им не раз приходилось работать вместе.

Вавилов кивнул, когда он вошел к нему в кабинет, предложил сесть и сразу перешел к делу:

– Личность убитого идентифицировать не удалось, во всяком случае пока. Ни документов, ни телефона, ни чего бы то ни было, что могло помочь, при нем не обнаружено.

– Во что он одет? – спросил Гуров.

Следователь склонился над протоколом осмотра места происшествия.

– Черные брюки и рубашка в черно-белую полоску, – прочитал он. – На ногах только носки, обувь отсутствует. Невозможно даже навскидку определить, сколько ему лет. Это потом наши судмедэксперты скажут, после вскрытия. Мне вообще, Лев Иванович, к сожалению, мало что есть вам сказать, кроме того, что на теле мужчины обнаружены колото-резанные раны, от которых он, по всей видимости, и скончался. Возможно, мотивом убийства было ограбление. Возможно, выбор убийцы был случайным. Судя по тому, что убитый разут и раздет, одежду и обувь его выбросили. Вероятнее всего, тот, кто и убил. Но вот когда это произошло? Сколько он там пролежал? Наверное, долго. Но это опять же предположение. Видите, сплошные «возможно», «наверное», – грустно заключил следователь, по виду которого можно было сделать вывод, что он внутренне уже готов к тому, что получил классический «висяк».

– А эксперты что-нибудь говорили по поводу времени смерти?

– Разумеется, нет. Вы же их знаете! «Все вопросы после вскрытия», – проговорил Вавилов казенным голосом. – Так что вам советую я вначале обратиться к ним. Я же смогу что-то сказать только после допроса задержанного. А для этого нужно дождаться, когда он придет в чувство. Пока он в отключке, его поместили в местную санчасть. Да, единственное, что удалось установить доподлинно, – личность хозяина автомашины. Это некто Царев Валерий Евгеньевич. Зарегистрирован в том же доме, что и задержанный Артем Коновалов. К нему уже отправили оперов, но вот незадача: Царев уже четыре месяца как находится в Германии по служебным делам, у него фирма, сотрудничающая с немцами. Квартира его стоит пустой, а машиной никто не пользовался. Она все это время просто стояла во дворе. Так заявили соседи, с которыми пообщалась опергруппа, которую вы сами вызвали. При осмотре квартиры Коновалова заодно опросили и соседей.

– А свою квартиру он что, не сдал? – уточнил Гуров.

– Нет. С ним связались по телефону, и он сказал, что рассчитывает вернуться в Москву через месяц-другой и не хотел пускать на это время чужих людей. Человек он, судя по всему, небедный, машина эта старая, и он ее особо не берег. Так и стояла без присмотра. Я проверил: Царев купил этот «Опель» восемь лет назад, потом у него появился «Ниссан», а затем, перед самым отъездом, «Мерседес». Вот его он поставил в гараж, где он по сей день и находится. Ключей от «Опеля» он никому не давал, от квартиры тоже. С его устного разрешения мы вскрыли его квартиру, опергруппа там сейчас тоже работает. Как только будет результат, я вам сообщу. Но боюсь, что ничего мы у Царева не найдем. Квартира выглядит так, словно там действительно никого не было несколько месяцев. При этом полный порядок – ну, насколько это возможно в отсутствие хозяина.

– Уборщица, домработница не приходит?

– Нет, Царев сказал, что не нуждается в этом. Лучше по приезду вызвать службу и все вычистить.

– А семья его где? Или он одинок?

– Супруга и сын находятся вместе с ним в Мюнхене. Так что, – Вавилов развел руками, – как видите, сведения пока скудные.

– Понятно, – кивнул Гуров и поднялся. – Что ж, наведаюсь к экспертам, потом свяжемся с вами, Андрей Алексеевич.

– Лев Иванович, – окликнул его следователь. – А вы что же, официально тоже этим делом занимаетесь?

– Пока нет, – честно ответил Гуров, не получивший еще письменного распоряжения от Орлова. – Но боюсь, что придется.

– Это хорошо. – Вавилова, кажется, обрадовало участие Гурова в расследовании дела, которое он сам считал «тухлым».

Гуров чуть улыбнулся, покинул кабинет следователя и отправился к экспертам. Патологоанатом был как раз занят проведением вскрытия, и он пока довольствовался беседой с другим экспертом, который тоже обладал не слишком обширной информацией.

– Кроме колото-резаных ран, других повреждений на теле не обнаружено, – сообщил он и тут же добавил: – При поверхностном осмотре, разумеется. Один из ударов – в область сердца, предполагаю, что он и стал смертельным. Труп лежит в багажнике, судя по всему, уже давно, думаю, не меньше месяца. Но вот сколько точно – вопрос. И прямого ответа на него нет, разве что вы это определите по каким-то косвенным показателям. Человек, по моим предположениям, средних лет, довольно ухожен, явно не бомж... Лицо чисто выбрито, одежда приличная. Зубы во рту хорошие, есть парочка дорогих имплантов. Так что он наверняка не бедствовал. Никаких татуировок на теле, никаких шрамов, послеоперационных швов – ничего. Даже не представляю, как вы его без документов по таким признакам идентифицировать будете. – В голосе эксперта звучало сочувствие. – Ногтевое содержимое взяли на анализ, конечно, пробы ДНК провели... Но сравнить-то их не с чем!

Гуров ничего не ответил. Он и сам это понимал и мысленно прокручивал в голове варианты установления личности погибшего. Видя его сосредоточенное лицо, эксперт, видимо, решил, что полковник впал в пессимизм, и одобряюще проговорил:

– Ничего, сейчас Михалыч вскрытие закончит – может, и скажет что-нибудь дельное.

Василий Михайлович Уткин закончил вскрытие минут через двадцать. Он выглянул из кабинета, увидел Гурова и жестом пригласил его войти.

В морге, как всегда, было прохладно, даже холодно. Нельзя сказать, чтобы Лев любил это помещение, но, в отличие от многих оперативников, относился к его посещению спокойно. Пожилой патологоанатом хорошо это знал, поэтому и пригласил его внутрь, а не стал беседовать в коридоре.

Тело неизвестного лежало на столе, прикрытое простыней. Поскольку Уткин не стал убирать его, Гуров решил, что тому хочется, чтобы полковник сам взглянул на него.

– Ситуация, Лев Иванович, сильно осложняется некоторыми моментами, – начал патологоанатом, когда они присели на стулья. – Во-первых, установление даты смерти. Труп проморозился насквозь. С одной стороны, благодаря этому он хорошо сохранился, а с другой – это здорово осложняет определение времени смерти. Наступила третья фаза обморожения, при которой температура тела сравнивается с температурой окружающей среды. Я не стану вдаваться в термины, говоря дилетантским языком, это вечная мерзлота, при которой уже невозможно определить, когда он умер, разве что по косвенным признакам.

Гуров обреченно вздохнул.

– Но! – поднял вверх палец Уткин, заметив его вздох. – Не все так плохо, Лев Иванович. Кое-что установить все-таки можно, и не только по косвенным признакам.

– То есть? Могло это быть, скажем, вчера?

– Боюсь, что нет, – усмехнулся патологоанатом. – На то, чтобы труп настолько промерз, нужно около недели. Далее. Если бы его сунули в багажник еще осенью, до наступления минусовой температуры, начались бы процессы разложения, а их нет. Труп явно попал на мороз свеженьким. Из этого я делаю вывод, что в багажник он попал как минимум в конце ноября – если помните, уже тогда ударили крепкие морозы.

– Помню, как же. Зима в этом году выдалась суровой, – отозвался Лев. – Это все из области прямых признаков?

– Пожалуй, все. По ним, не вдаваясь в подробности, могу выделить временной диапазон примерно месяца в три. То есть умер он не позже чем неделю назад, но и не раньше, чем в конце ноября.

«Странно, почему же Коновалов решил избавиться от трупа только сегодня?» – подумал Гуров, но вслух высказывать своих соображений не стал, поскольку отлично знал ответ патологоанатома – эти вопросы не по его части.

А тот тем временем продолжал излагать свои заключения.

– Что касается косвенных признаков, вы тут гораздо больший мастер, Лев Иванович. Но все же прошу обратить ваше внимание на следующие факты. На мужчине отсутствует нательное белье. Вряд ли убийца стал бы его снимать, а потом снова облачать тело в рубашку и брюки. Следовательно, в день, когда он погиб, морозы не были слишком сильными. А посему конец ноября представляется мне наиболее вероятной датой смерти. Но это, и я подчеркиваю, определение по косвенным признакам.

– Да уж, замечательный получается интервал! – невольно вырвалось у Гуров.

– Ну, а что вы хотите? – развел руками патологоанатом. – Я ведь не волшебник! Всего лишь судебный врач.

– Да я понимаю. Хорошо, а, как судебный врач, что вы можете сказать? Причина смерти?

Уткин откашлялся и снова заговорил:

– Смерть наступила от перелома основания черепа, нанесенного тупым твердым предметом. Кроме этого, имеются еще несколько следов ударов, два из них нанесены сзади, остальные, в том числе и смертельный, – сзади и сверху. То есть вертикально.

– То есть, – медленно проговорил Гуров, пытаясь представить картину преступления, – его сначала ударили сзади, а потом, когда он упал, ударили несколько раз сверху.

– Точно, – кивнул эксперт. – Полагаю, что так и было. Мужчина довольно молод, не старше тридцати лет; судя по состоянию легких, некурящий, спортом, скорее всего, не занимался, но образ жизни вел подвижный. Все внутренние органы абсолютно здоровы, никаких хронических заболеваний не имел.

– А зубы? – вспомнил Гуров свою беседу со вторым судмедэкспертом.

– Зубы в порядке, имеются два довольно дорогих импланта – видно, что человек следил за собой. У него хорошая стрижка, выполненная мастером, ухоженные ногти.

– Можно выяснить, где были поставлены эти импланты? – быстро спросил Гуров.

– Да где угодно, – пожал плечами Уткин. – Я понимаю, Лев Иванович, вы пытаетесь установить личность убитого любым способом, но, боюсь, зубы вам в этом не помогут. Клиник, специализирующихся на подобных процедурах, в Москве полным-полно. Кстати, я не уверен, что он москвич.

– А почему? – нахмурился Лев. Иногородний убитый еще больше осложнял раскрытие этого дела.

– По цвету его кожи. Она несколько смуглее, чем у рядового москвича.

– Может быть, он недавно отдыхал в южных краях? – предположил полковник.

– Может, – охотно согласился патологоанатом. – Но отдых у него в этом случае был довольно длительным. Загар явно не сиюминутный, он получил его уже давно.

– Не устаю восхищаться, насколько продвинулся научно-технический прогресс, – улыбнулся Гуров. – Еще лет пятнадцать назад – да что там, десять! – вы бы вряд ли могли это определить.

– Ну, что вы хотите, наука не стоит на месте, – довольно произнес Уткин. – И этому нужно только радоваться. Знаете, когда я был еще совсем молодым и слушал в институте лекции по криминалистике, один наш преподаватель восторженно говорил, что в самом ближайшем будущем можно будет по крошечной ниточке или волоску определить личность преступника. Мы, тогдашние студенты, между собой потешались над его оптимизмом. А сейчас выясняется, что ошибся он совсем чуть-чуть, лишь в сроках. Все же это стало возможным не через три-четыре года, как обещал наш педагог. Но ведь стало! Из одного-единственного волоска можно

смело выделять ДНК – и вот вам личность убийцы! Мельчайшая капля слюны от покашливания – и опять он в наших руках!

– Да, конечно. Вот только еще научиться бы так же быстро находить самого преступника, как его следы, – невесело усмехнулся Гуров.

– А это уже ваша оперативная обязанность. Согласитесь, что мы, эксперты, и так существенно облегчили вашу задачу.

– И за это вам, разумеется, огромное спасибо.

– Далее, – продолжил патологоанатом. – В крови погибшего не обнаружено ни следов алкоголя, ни каких бы то ни было психотропных и наркотических веществ. В момент смерти он находился в здравом уме и трезвой памяти, был в сознании. Содержимое желудка также удалось идентифицировать. Овощной салат, суши, роллы и апельсиновый сок. Все это он употребил не раньше чем за полчаса до смерти – обед не успел перевариться. И, кстати, подобный набор продуктов свидетельствует о том, что обедал он, скорее всего, не дома. Что еще раз доказывает – мужчина приезжий.

– Ну вот, а говорите – не по вашей части, – улыбнулся Гуров. – Это же умозаключения, достойные первоклассного следователя!

– Перестаньте, я и патологоанатом неплохой, – отмахнулся Уткин. – Переквалификация меня не интересует.

– А можно предположить, на чем он приехал в Москву?

– Предполагать можно все что угодно, – усмехнулся эксперт. – Но предположения должны на чем-то основываться, не так ли?

– Разумеется. Например, на следах на одежде.

– С этим вопросом к другим экспертам, – покачал головой Уткин, – возможно, они и обнаружат какие-то следы. По моей части сделать подобные выводы не представляется возможным. Он мог приехать и на автомобиле, мог прилететь самолетом, мог поездом. И вообще, неизвестно, когда он прибыл в столицу. Так что поинтересуйтесь этим вопросом отдельно.

– Обязательно поинтересуюсь, – кивнул Лев.

– Кстати, если вам нужно сделать снимок убитого для идентификации личности, делайте это немедленно, пока он еще как огурчик. Сейчас, когда тело оттаяло, процессы разложения пойдут с катастрофической быстротой, и очень скоро его вообще нельзя будет узнать.

– Понял. – Гуров поднялся и достал камеру, которую специально захватил с собой для посещения морга.

Уткин откинул простыню, и полковник смог, наконец, лицезреть «своего» убитого подопечного. Довольно мужественное лицо, не лишенное приятности, темно-русые, действительно хорошо подстриженные волосы. Глаза его были закрыты, и Гуров осторожно оттянул веко. Показался мутный зрачок с голубоватой радужкой.

Он быстро сделал несколько снимков с разных ракурсов, просмотрев, остался доволен и вернулся к разговору с Уткиным.

– Василий Михайлович, а что-нибудь о роде занятий этого человека вы можете сказать? Ну, физическая работа, кабинетная или творческая? Вы же опытный специалист, к тому же очень наблюдательный! Загар вот отметили, а я бы и внимания не обратил, – с надеждой посмотрел Лев на эксперта.

Уткин хитровато усмехнулся и, покрутив седеющий ус, произнес:

– Не пытайтесь мне льстить, Лев Иванович, это лишнее. Я не нуждаюсь в словесных поощрениях. Если в чем-то уверен, я и без этого выдам вам всю полагающуюся информацию. Ну, а если не уверен, – развел он руками, – для чего вводить следствие в заблуждение?

– Я вас отлично понял, Василий Михайлович, – сказал Гуров, – поэтому прошу просто, неофициально поделиться своими соображениями. Как говорится, не для протокола...

– Ну, если не для протокола... – с сомнением покачал головой Уткин. – Ему приходилось много печатать на компьютере либо играть на клавишном инструменте. Я обратил внимание на подушечки его пальцев – они слегка приплюснуты. Такая деформация не возникнет за один день или даже месяц.

– Писатель, музыкант?

– Лев Иванович! Я так и знал – сунь вам палец, вы всю руку откусите! Хватка у вас железная! Для опера это, конечно, качество полезное, но пожалейте меня, ради бога! Откуда я могу это знать? Я лишь излагаю выводы, сделанные на основании фактов. И делаю это, как мы договорились, без протокола. Кому-либо другому, не вам, я бы вообще своих соображений высказывать не стал.

– Не обижайтесь, Василий Михайлович, – поспешно прижал руки к груди Гуров, расшаркиваясь перед стариком. – Я просто рассуждаю вслух. Не обращайтесь внимания, продолжайте.

– Полагаю, что все же не музыкант, – немного посопев, снова заговорил эксперт. – У клавишников пальцы обычно длинные и тонкие, изящные. Присмотритесь как-нибудь к рукам пианиста – вы не увидите толстых и коротких пальцев. А у этого парня они хоть и не толстые, но недостаточно изящные, на мой взгляд. И не такие длинные. К тому же ему много приходилось писать обычной авторучкой, о чем свидетельствует загрубевшая кожа на среднем пальце правой руки.

– То есть все-таки писатель.

– Не спешите с выводами, Лев Иванович! Как не совсем стандартный, но все же врач, могу сказать, что представителям нашей профессии писать – причем от руки! – приходится в нынешнее время куда больше, чем писателям, которые в основном работают на компьютере, на худой конец, печатают на машинке. Учителей тоже не надо сбрасывать со счетов! Хотя парень выглядит явно обеспеченнее рядового учителя. Разве что преподавал где-нибудь в элитной частной школе.

– Понял, с выводами не спешу, – кивнул Гуров.

– Кроме этого, ему приходилось много ходить пешком. Еще могу сказать, что у него было слабое зрение, и он носил контактные линзы.

– Насколько слабое? – уточнил Лев.

– Минус пять, довольно серьезная миопия.

– А сами линзы? Можно определить, где они были куплены?

– Боюсь, что нет. Но попытаться можно. Линзы практически новые, он приобрел их незадолго до смерти. Линзы производит довольно известная американская фирма, на них стоит ее так называемое клеймо – логотип производителя.

– На самой линзе? – недоверчиво спросил Гуров.

– А что вас смущает? – в свою очередь удивился Уткин.

– Разве оно не мешает глазу?

– Нисколько! Современные технологии позволяют сделать клеймо так, что глаз его абсолютно не чувствует. Не верите – попробуйте сами.

– Да нет, спасибо, я вам верю, – усмехнулся в ответ Лев. – Что-нибудь еще?

– Боюсь, что на этом все, Лев Иванович. Пока, во всяком случае. – Уткин церемонно склонил голову, показывая, что рад был оказаться полезным.

– Что ж, Василий Михайлович, пищу для размышлений вы мне дали довольно обильную, – произнес Гуров. – Осталось только ее переварить.

– Это уже без меня! – махнул рукой патологоанатом. – Я и так выложил на сто пятьдесят процентов. Да, кстати, там я передал на экспертизу ногтевое содержимое, а также одежду убитого, – добавил патологоанатом. – Загляните в лабораторию, может быть, какое-то заключение уже готово.

Поблагодарив старого врача, Гуров вышел из морга и отправился в лабораторию, где эксперты встретили его явно неодобрительно, заявив, что они не боги и что ждать от них заключения в столь короткий срок по меньшей мере наивно. Он не стал спорить и торопить специалистов и пошел в кабинет Орлова. Там его ожидал приятный сюрприз в лице Станислава Крячко, сидевшего в кресле перед генерал-лейтенантом и с чувством жаловавшегося на представителей страховой компании, которые по какому-то ничтожному, по мнению Станислава, поводу придрались к нему и долго муржили, вследствие чего он и проторчал на проспекте Мира столько времени.

Орлов слушал вполуха, явно демонстрируя, что ему совсем не интересны эти проблемы Крячко, и Станислав, нуждавшийся в собеседнике, неожиданно обрел его в лице секретарши генерала Верочки. Та как раз убирала со стола поднос с двумя чашками из-под выпитого Крячко чая и была в полном распоряжении Станислава. Вряд ли ее сильно впечатлили страдания Крячко, но она вежливо улыбалась, а под конец длинной крячковской тирады вставила:

– И что же, вы так и уехали?

– Да сейчас прямо, ага! – тут же возмутился Стас. – Я у него поинтересовался между дел, как у них обстоят дела с налогами. И «корочки» свои показал. Так они мне быстренько все оформили, еще и извинения принесли! – с гордостью закончил он.

– Ну, вы, Станислав, вообще очень уверенный в себе человек, – улыбаясь, проговорила Верочка, – который всегда добивается своего. Так что ничего удивительного!

И, изящно подхватив поднос, она поспешила к двери, где Лев Гуров галантно уступил ей дорогу, приветствуя на ходу. Верочка еще шире заулыбалась, кивнула и скрылась в приемной, отработанным годами движением захлопнув ногой дверь в генеральский кабинет.

– Слышал, какого мнения обо мне женщины? – подмигнув Гурову, обратился Крячко к Орлову.

– Слышал, – с ехидцей в голосе ответил тот. – Зная Верочку много лет, могу сказать, что она слишком хорошо воспитана. Если перевести ее слова на нормальный язык, это значит, что ты, Станислав, человек нахальный, который любого доведет до белого каления! Я, например, уже на грани!

– Эх, не любит нас начальство, Лева! – притворно вздохнул Крячко, повернувшись к Гурову.

– Ты за себя говори, – усаживаясь на стул, обронил Лев.

– А он за себя и говорит, – продолжал ехидничать Орлов. – Это он о себе во множественном числе распространяется! Мы, мол, Станислав Крячко, начальству хамим, за это оно нас и не жалует!

– Когда это я тебе хамил? – искренне удивился Крячко, но Орлов уже нацепил на нос очки, принял деловой вид и решительно перешел к насущному вопросу, махнув на Крячко рукой – дескать, шутки кончились.

– Итак, – строго произнес он, открывая лежавшие перед ним на столе документы. – Как вам известно, при сегодняшнем ДТП на проспекте Мира открылись новые важные обстоятельства, а именно – труп в багажнике машины марки «Опель», номерной знак С238РУ, принадлежащей Цареву Валерию Евгеньевичу. За рулем находился гражданин Коновалов А. С., который, как выяснилось, управлял автомобилем незаконно, то есть просто угнал чужой автомобиль. Личность убитого мужчины идентифицировать не удалось, допросить Коновалова тоже, поскольку он находится в состоянии наркотического опьянения. Опергруппа, проведя обыск в квартире Коновалова, обнаружила там на полу и в ванной комнате следы крови. Принадлежат ли они покойному, пока неизвестно, так как результаты экспертизы не готовы. Это на данный момент все, что известно мне. Остальное я хотел бы услышать от вас, – посмотрел на своих подопечных из-под очков генерал.

– Можно вопрос? – с самым невинным видом подал голос Крячко, поднимая руку, как прилежный ученик.

– Если он относится к делу, – предупредил Орлов; слишком хорошо он знал Крячко и был готов к его постоянным шуткам.

– Да напрямую! – заверил его Станислав. – Вопрос, собственно, в этом и состоит – мы что, занимаемся этим делом официально? Или по чьей-то глубочайшей просьбе? Не поймите меня неверно, Петр Николаевич, мы, конечно, слевой – так, шелупонь, оперишки мелкие, но просто хотелось бы все-таки знать, ради чего мы, собственно, будем бить пятки и напрягать свои головы?

Орлов смерил Крячко взглядом, который ясно выражал, что он о нем думает, и отдельно произнес:

– Распоряжение о назначении Льва Ивановича Гурова старшим в расследовании убийства неизвестного гражданина, труп которого обнаружен в багажнике машины Царева В. Е., вынесено официально. Дальнейшие распоряжения остаются на усмотрение начальника Главного управления МВД генерал-лейтенанта Орлова. Надеюсь, не стоит уточнять, кто это такой? – Генерал выдержал строгую паузу и продолжил: – Так вот, по моему распоряжению, помощником Гурова назначается оперативник по особо важным делам, полковник Станислав Крячко. Уточнять, по какой причине именно он, считаю излишним!

– Да я не возражаю, Петр! – миролюбиво произнес Крячко. – Я просто хотел получить определенность.

– Получил? Вот и отлично. Теперь давайте внесем определенность в ход расследования. На данный момент самым важным считаю выяснения личности убитого. Какие есть предложения?

– Для начала разослать ориентировки во все отделения полиции, – начал Гуров, но Орлов тут же перебил его:

– Это и так понятно! Проверить всех, кто числится в пропавших, – первая задача. А если его не окажется среди них? Тогда что?

Крячко благоразумно помалкивал, и Гуров снова заговорил:

– Я тут побеседовал с нашим патологоанатомом, и у меня есть кое-какие соображения. Надо пройтись по издательствам и редакциям газет и журналов, показать фото там. Также сделать запрос в различные музыкальные заведения, не только по Москве, но и во все близлежащие города, что находятся южнее.

Орлов с интересом посмотрел на него:

– Почему ты решил, что он не москвич? Да еще писатель или музыкант?

– Можешь считать это моей личной оперативной разработкой, – уклончиво ответил Гуров, помня о разговоре с Уткиным «не для протокола».

– Вечно темнят, темнят! – проворчал Орлов. – Как неприятности находить на свою и, главное, мою задницу – это всегда запросто! А как откровенно поговорить с начальством – сразу жмурки начинаются!

– Да я ничего важного не скрываю, Петр, – успокоил его Гуров. – Просто пока не проверили мою версию, говорить об этом рано.

– Говорить вообще надо поменьше, надо больше действовать, – отрезал Орлов. – Всех фигурантов, кто так или иначе оказался вовлечен в это дело, проверили на причастность?

Он обвел глазами подчиненных. Крячко отвернулся к окну и с огромным интересом что-то там высматривал, поэтому за обоих ответил Лев:

– Сделали, что успели. Времени-то прошло всего несколько часов! К тому же главные фигуранты – Коновалов и безымянные девушка с парнем в его квартире находятся в неадекватном состоянии. Как их в таком состоянии допрашивать? Я распорядился привести их в порядок, как только оклемаются – сразу допросим. Еще ждем заключения экспертов по многим вопросам

– их ответы тоже многое прояснят. А пока считаю главным заняться установлением личности убитого, а также времени, когда было совершено убийство.

– Вот и займитесь, – отрезал Орлов. – И вечером со всем, что узнаете, – ко мне на доклад!

– Ну, до вечера, может, мы это и не проясним, – оторвавшись от окна, вмешался Крячко. – А вот утром, думаю, у нас будет раскрытое убийство! – И, поймав удивленно-вопросительный взгляд Орлова, пояснил: – Красавец этот, Коновалов, отлично ведь знает ответы на эти вопросы! Но до вечера может и не оклематься. А вот к утру будет уже как огурчик!

– Да, Вавилов только этого и ждет, чтобы его допросить, – вставил Гуров.

– Да там и допрашивать нечего, – махнул рукой Крячко. – Против него улики такие, что он расколется вмиг! Мало того, что труп в машине, так еще и кровь в его квартире! Ясно же, что это кровь нашего убитого!

– А если нет? – повернулся к нему Орлов. – Если неизвестного убили где-нибудь во дворе?

– Откуда тогда кровь в ванной? – резонно заметил Крячко.

– Да мало ли откуда в квартире наркомана кровь! Для начала мы должны быть стопроцентно уверены, что кровь принадлежит убитому! А я в этом не уверен. И вообще, это преступление сильно смахивает на убийство с целью ограбления! Учítывая, что у убитого отсутствуют абсолютно все ценные вещи, включая верхнюю одежду, данная версия кажется мне наиболее правдоподобной. Да и личность Коновалова в нее отлично вписывается. Наркоман, вечно нуждающийся в деньгах и потерявший человеческий облик, встретив хорошо одетого мужчину, легко мог позариться на его добро.

– К тому же на углу дома, где живет Коновалов, расположен банкомат, – поддержал начальника Гуров. – Коновалов мог видеть, как неизвестный снимает с карточки деньги, и напасть на него сзади.

– Вот видишь! – подхватил Орлов. – Так что дома он его, возможно, и не убивал!

– Если даже так, то картина не складывается! – неожиданно возразил Лев.

Орлов нахмурился и, не слишком одобрительно взглянув на своего любимца, попросил:

– Поясни.

– Да тут и объяснять нечего, – пожал плечами полковник. – Допустим, Коновалов убил неизвестного возле терминала тяжелым предметом – это как раз вполне логично и правдоподобно, к тому же рядом круглосуточный магазин, из которого он мог возвращаться, и тяжелый предмет под рукой мог оказаться запросто – ледяной булыжник или сосулька, к примеру. Но вот зачем Коновалов стал прятать труп? Причем на виду у всего двора!

– Так ночь же была! – вставил Орлов.

– Во-первых, это неизвестно! Во-вторых, пусть даже и ночь. Все равно в любой момент кто-то мог пройти мимо – не забывайте про круглосуточный магазин! Да и среди жильцов немало таких, кто не спит по ночам! У Коновалова было два варианта: потащить труп к себе домой, что совершенно абсурдно, или затолкать его в багажник машины Царева. И то и другое крайне рискованно и нецелесообразно. Зачем было прятать труп?

– Так он боялся, что его сразу вычислят! – не желал расставаться со своей версией Орлов. – На кого еще упадет подозрение, как не на наркомана? Вот он и затолкал его в багажник! А потом решил вывезти подальше. По-моему, Лева, все логично!

Гуров ничего не ответил, но взгляд его выражал, что он с сомнением относится к данной версии.

– А то, что Коновалов худой и хлипкий, не считается, – поддержал Орлова Крячко. – У него вполне могли быть сообщники, из его же веселой компании друзей-наркош. Может, они вместе и убивали! А потом вместе в багажник и отправили. Кстати, вдвоем-втроем это заняло бы совсем немного времени.

Гуров и тут промолчал, вспомнив лишь о неимоверной физической силе приятеля Коновалова, напавшего на него в квартире Артема. Такой и в одиночку мог запросто погрузить труп в багажник за несколько секунд... И все же он сомневался, что все произошло так, как говорил Орлов, поэтому предложил:

– Неплохо бы поинтересоваться записью камер наблюдения. Хотя это может ничего и не дать! Вдруг его убили месяц назад, тогда записи уже не сохранились.

– Ничего, я и без записи его прижму! – пообещал Крячко, имея в виду Коновалова. – И если эта жалкая пародия на Шумахера попробует на допросе в молчанку играть, пусть Вавилов сразу мне позвонит. Так ему и передай, Петр!

– Ладно! Ты и так, Стас, всеми силами стараешься заслужить репутацию местного громилы-костолома! Тоже мне, гроза преступного мира! Анекдот помнишь? Умом надо выделяться, – прикрикнул Орлов.

– Умом у нас Лев Иванович богаты, – учтиво склонился Крячко. – Понимаешь, Петр, мне ведь не повезло еще с рождения! Когда господь бог раздавал мозги, я как раз отвлекся по малой нужде и прозевал свою порцию. Так что она кому-то другому досталась. Не удивлюсь, если Лева как раз за двоих получил, вот и пользуется теперь моими мозгами.

– Спасибо, друг! – с чувством проговорил Гуров. – Я всегда ощущал, что у нас с тобой незримая связь. Кстати, если тебе мозги понадобятся – обращайся! Я ими все равно не пользуюсь – своими привык обходиться!

Крячко уже собирался вставить ответную шпильку, да поострее, но Орлов, которому надоели эти препирательства старых друзей, вновь прикрикнул, напомнив, что время идет, а расследование стоит на месте, чем окончательно вывел Крячко из себя.

– А почему такой кипеж из-за этого убийства, Петр? – не выдержав, возмутился Станислав. – Ладно бы, какую-то шишку убили или звезду! Непонятно даже, кто он вообще, этот мужик!

– С каких это пор мы выборочно расследуем убийства только влиятельных людей? – вскипел Орлов, но Крячко, который в данной ситуации своей вины не чувствовал, моментально встал в оборону.

– А я не про выборочное расследование! Я про истерики, которые постоянно нам устраивает высшее руководство! Нам всем – и нам с Левой, и тебе, Петр! Истерят, сами не знают, почему, аж слюной исходят, как будто, раскрыв преступление, мы человека с того света вернем! Не понимаю я этого! Ну, днем раньше, днем позже возьмем убийцу – какая разница? Только работать мешают!

– Вот идите и работайте, – устало махнул рукой Орлов, который в душе был согласен с Крячко, но благодаря своей должности постоянно находился между двух огней: своих подчиненных и вышестоящего начальства, поведение которого действительно не всегда способствовало скорейшему раскрытию убийства. – Никто вам мешать не будет, главное – регулярно отчитывайтесь передо мной, дабы я мог аргументированно заявлять, что работа идет, и идет результативно.

Гуров кивнул и, поднявшись, пошел к выходу. Крячко еще что-то ворчал на ходу себе под нос, однако при виде Верочки нацепил на лицо привычную приветливую улыбку и отвесил секретарше на прощание незатейливый, но лестный комплимент, после чего друзья вернулись в свой кабинет. Впрочем, вместе они пробыли недолго, поскольку Гуров снова отправился по экспертам, а Крячко поручил проводить Коновалова и компанию и спросить у врачей, нельзя ли поговорить с их подопечными.

Глава 3

– В принципе, беседовать с ними уже можно, – кивнул врач на вопрос Крячко. – За исключением, пожалуй что, девушки – она и накачана сильнее, да и организм у нее более слабый. А вот здоровенный бугай, к примеру, практически в норме. Да и Коновалов этот на вопросы ответить уже способен.

Это обстоятельство весьма обрадовало Станислава, которому, вопреки мнению Орлова, очень хотелось поскорее закончить расследование и сбросить со своих плеч столь неожиданно свалившееся на них дело, в коем он не находил ничего интересного. Ну, прибили какие-то наркоши мужика ледышкой по башке – разве это дело их с Гуровым уровня? Крячко предпочитал совсем другие дела. Ему нравились расследования, в которых им со Львом Гуровым приходилось равномерно распределять природный потенциал: то есть Лев занимался в основном тем, что думал, беря на себя функцию скорее следователя, а Крячко – действовал подобно настоящему оперативнику. Подобное распределение сил Стас считал наиболее эффективным.

Артем Коновалов даже испугался, когда в его больничную камеру размашистым шагом вошел крупный мужчина, фигурой напоминавший медведя. А недобрый взгляд на набычившемся лице вошедшего заставил Коновалова невольно подтянуть одеяло к подбородку. Из-под него осталась торчать лишь левая рука, в которую была воткнута игла от капельницы. Правая рука Коновалова была наручником прикована к ножке металлической кровати.

Мгновение спустя немного прояснившееся после очистки крови сознание подсказало Коновалову, что с этим человеком, а особенно с его железной хваткой, он уже успел познакомиться, и нельзя сказать, что знакомство это было самым приятным в жизни Артема.

– Привет, Артюша, – мягко, даже ласково приветствовал его вошедший, не спеша уселся на стул подле кровати и вперил в Коновалова взгляд добрых на вид глаз на не менее добром округлом лице. – Здоровьичко как? – участливо спросил он.

Коновалов сглотнул слюну, неуверенно кивнул и даже попробовал улыбнуться. Улыбка вышла заискивающей и жалкой.

– Нормально, значит, – удовлетворенно констатировал мужчина. – Вот и славно! Все, понимаешь ли, складывается хорошо, за исключением одного. – Тон говорившего мгновенно изменился на жесткий и холодный. – Мужичку убитому здоровьичко уже не понадобится. А знаешь почему? Потому что убил ты его, Артюша! Вот так. И это есть доказанный факт, который не вызывает сомнения у следствия, не вызовет и у суда. Так что могу дать тебе, Артюша, по-отечески, наилучший совет, единственно правильный в данной ситуации: ты мне сейчас честно и чистосердечно все рассказываешь с самого начала, а я столь же чистосердечно заявляю на суде о твоём полном и искреннем раскаянии. Сердце судьи это обязательно смягчит, особенно, если тебе повезет и попадетсЯ женщина средних лет. Они, знаешь, народ сердобольный, так что отделаешься годками десятью, не больше.

– Почему десятью? – подал голос Коновалов, и это оказалось столь неожиданно, что Крячко недоуменно уставился на него. До сего момента он слышал лишь невнятное мычание, и теперь эта четко выстроенная фраза заставила его удивиться.

– Ты еще спасибо скажи, что десять! За предумышленное, да еще совершенное группой лиц, да в нетрезвом состоянии...

– Почему группой? Почему предумышленное? – Коновалов явно заволновался и завожился в постели. – Я же не хотел!

– Так, уже хорошо. – Крячко достал заготовленные заранее чистые листы и ручку. – Ты говори, говори, суд все учтет! Значит, убивать не хотел, все получилось случайно. А как именно?

– Ну... Ну, вы же сами все видели! Вы же рядом были! – напомнил Коновалов.

– Когда? – не понял Крячко.

– Ну, сегодня!

– Так! – обрадовался Станислав. – То есть ты убил его сегодня.

– Ну да! На ваших глазах!

Обе стороны, кажется, совершенно перестали понимать друг друга. Крячко счел разумным убрать ручку. Он почесал в затылке и подумал, что, возможно, сходит с ума за компанию с Коноваловым и что это первый в истории медицины случай заражения психическим заболеванием. Он даже отодвинулся чуть подальше, озадаченно глядя на допрашиваемого, еще раз поскреб затылок и с сомнением в голосе спросил:

– А ты... вообще нормально себя чувствуешь?

– Конечно, ненормально! – жалобно проговорил Коновалов. – На тюремной-то койке. Вас бы на мое место...

– Слушай, ты! – разозлился Крячко. – Ты мне свое место не сватай! Что заслужил, то и получай. И дураком не прикидывайся! Или рассчитываешь с тюремной койки в «дурку» отправиться? Имей в виду, могу тебе в этом помочь. Только в «дурке» условия-то еще похуже, чем здесь, будут. Через пару недель забудешь, как тебя зовут, еще через пару – как ложку держать, а через полгода вообще в овощ превратишься! Готов к перевоплощению? Дальше будешь комедию ломать или все-таки остатки мозгов включишь?

– За что вы на меня так? – с обидой в голосе спросил Коновалов. – Я же честно все говорю!

Крячко рывком приподнялся со стула и резко потянул на себя угол одеяла, которым прикрывался Коновалов. Тот испуганно съезжился, машинально заскреб руками по кровати, собирая в гармошку серую казенную простыню.

– За что ты убил мужика, когда и с кем? – отчеканил Крячко, глядя прямо в запавшие глаза Коновалова.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – обреченно вздохнув, пробормотал тот.

Из последних сил стараясь сдерживаться, Стас достал из кармана снимки убитого мужчины в багажнике и небрежно по одной стал кидать их на кровать. Коновалов послушно подбирал их и подносил к глазам. По мере того как до него доходило то, что он видит, глаза Артема стали почти безумными.

– Это какой-то сон! – разжав пальцы, прошептал он, и фотографии с шелестом посыпались на пол.

Коновалов всхлипнул и закрыл лицо руками. Капельница натянулась, игла вот-вот порывила выскочить из искомлотой, усыпанной черными точками вены.

Крячко молча подобрал снимки и сурово произнес:

– Нет, это не сон! Убитый мужчина в багажнике угнанной тобой машины – такая же реальность, как и твоя никчемная жизнь! Так что не надо гнать мне про случайное убийство, совершенное якобы на моих глазах! Не прикидывайся дуриком, доктора тебя вмиг расколют! Хотя я допускаю, что убивал ты мужика, находясь под кайфом, посему в твоей дурной башке сон и явь перемешались.

– Да я же не об этом! – с отчаянием в голосе сказал Коновалов. – Я думал, что вы про аварию говорите, которая по моей вине произошла! Я думал, там человек погиб.

Крячко мысленно поблагодарил Бога за то, что тот подтвердил его психическую вменяемость. Вот, значит, как. Недоразумение. Ничего, сейчас он быстренько убедит Коновалова, как жестоко тот заблуждается. А тот тем временем покусывал сухие губы, глаза его бежали из стороны в сторону, в руках появилась дрожь. Он быстро-быстро заговорил:

– Значит, в машине был труп? В той, что я взял? Но я не знал ничего об этом. Это вообще не моя машина, она полгода в нашем дворе простояла бесхозной, откуда мне знать, как он там

оказался? Я вообще тут ни при чем, мы с Бизоном поспорили, что я проеду на чужой машине до Казанского вокзала и вернусь обратно, и менты меня не остановят ни разу...

– Так, стоп! – Крячко решительно прервал поток речи Коновалова поднятой вверх ладонью. – Давай по порядку. Кто такой Бизон?

– Бизон – приятель мой. Мы с ним...

– Фамилия! – перебил его Крячко, вновь доставая ручку.

– А я знаю? – искренне удивился Коновалов.

– Что же ты, не знаешь фамилии своего друга?

– А оно мне надо? Главное, чтобы человек хороший был!

– А Бизон, значит, хороший? – усмехнулся Стас.

– Ну да! Соседей этих, уродов, гонял. А то заколебали совсем! Постоянно названивали, спать не давали, сволочи! А с тех пор как он у меня поселился – тишина! Как отрезало. Сидят в своих норах, носа не кажут. Один только мужик нормальный, Юра Боксер, остальные – суки поганые!

Дальше Коновалов пустился было в нецензурные высказывания в адрес соседей, но Крячко коротко рывкнул на него, и он умолк на полуслове.

– Не отклоняемся от темы, – строго сказал Станислав. – Итак, вы поспорили с Бизоном, что ты угонишь машину.

– Да. Я, дурак, сам ему нахвастался, что, мол, машина во дворе стоит бесхозная, бери и катайся! А он мне – ты и трех метров после дозы не проедешь. Вот и поспорили. На пять доз.

– Когда это было?

– Вчера... Точнее, сегодня.

– Так вчера или сегодня? – уточнил Крячко.

– Вчера спорить начали, сегодня я угнал, – ответил Коновалов.

– А мужика убили когда? Вчера или сегодня?

– Не убивали мы никого! – Артем вновь попытался подняться с кровати. – Мы вообще не знали, что там какой-то мужик! Что я, совсем дурак, что ли, с трупом в багажнике по улицам разъезжать среди белого дня?

– Нет, Артюша, ты, конечно, не дурак, – успокоил его Крячко. – Ты очень умный. На угнанной машине, под кайфом, без прав, в домашних шлепанцах выехать в центр Москвы и протаранить десяток автомобилей. Да твой поступок заслуживает рубрики «Дебил года»!

Коновалов тяжело вздохнул.

– Так, поехали дальше, не отвлекаемся! – прикрикнул Крячко. – Мужика убитого как зовут?

– Да понятия не имею, как его зовут! Я его в глаза не видел!

– А убил тогда зачем?

В подобном духе допрос продолжался минут сорок. Крячко старался подловить Коновалова, выслушивая ответы на его вопросы и вставляя свой коронный «зачем убил и когда?». Однако Коновалов, несмотря на не до конца прояснившиеся мозги, твердо стоял на своем: никого не убивал, машину угнал на спор, убитого ни разу в жизни не встречал и понятия не имеет, кто он такой.

Насчет спора с Бизоном выяснились следующие подробности: в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое февраля Коновалов, находясь в собственной квартире в компании приятеля по кличке «Бизон» и подруги, которую все именовали Колючкой, употребили некое наркотическое вещество, после чего Коновалов рассказал друзьям о стоящей во дворе их дома «ничейной» машине марки «Опель-Кадет». И похвастался, что легко вскрыет ее и проедет через весь город. Заключив с Бизоном пари, он вышел из дома, не обратив внимания на то, что одет явно неподобающе для зимнего променада. Замок «Опеля» он вскрыл самодельной

отмычкой, которую иногда применял для мелких краж. Это признание, случайно вырвавшееся у Коновалова, Крячко скрупулезно вписал в протокол.

Затем Коновалов сел за руль, выехал со двора и направился, что называется, куда глаза глядят, ощущая себя всемогущим и неуязвимым. Финал же этой поездки оказался просто катастрофичным для незадачливого автомобилиста, что он сам открыто и признал.

– Да уж, – усмехнулся Крячко. – Накатал ты себе лет на семь поездочку! Ну, зато теперь тебя повезут за казенный счет, так что, случись по дороге авария – к тебе претензий никаких не будет!

– Да почему на семь, почему на семь-то? – снова зачастил Коновалов. – Я же не убил никого! Спросите Бизона, Колючку – они подтвердят! Мы уже две недели вместе заставляем меня, практически не расстаемся!

– Ага! – с сарказмом отозвался Станислав. – Показания этих самых что ни на есть благонадежных свидетелей в суде будут иметь непревзойденную ценность!

Коновалов обреченно закатил глаза.

– Слушай... – доверительно склонился к нему Крячко. – А может, ты не помнишь ничего? Ну, как мужика убил? Ты же постоянно либо под кайфом, либо в ломке. У тебя наркота из крови вообще не вымывается! Так бывает, я знаю! Так давай я помогу это вспомнить? Кстати, может сойти за убийство в состоянии аффекта! Если адвокат грамотный попадется, обязательно на этом защиту построит!

Взгляд Коновалова явственно говорил о том, что он как-то не надеется ни на то, что ему будет предоставлен лучший адвокат столицы, ни на его блестящую защиту, ибо любому наркоману известно, что нахождение в момент совершения преступления в нетрезвом виде является отягчающим обстоятельством, а отнюдь не смягчающим.

Одним словом, дальнейшая беседа с Коноваловым ни к чему не привела: он по-прежнему настаивал на своих показаниях, и Крячко, поняв, что просто теряет время, решил переключиться на допрос его приятеля с колоритной кличкой «Бизон». К тому же Коновалов утомился беседой, речь его стала заторможенной, он постоянно клевал носом, норовя впасть в сон. Крячко оставил его в покое и направился в камеру, где содержался Бизон.

С первого же взгляда на этого человека Станислав понял, что запугать его одним грозным видом не получится: Бизон и сам имел вид вполне устрашающий. На его фоне даже нехуленый Крячко казался стройным воробышком. Он сидел на койке, оголив могучие плечи, и сверлил вошедшего Стаса недобрым взглядом.

Крячко оценил обстановку, прошел внутрь и также сел на стул, только не пытался воздействовать на Бизона взглядом, а просто произнес:

– Твой приятель Коновалов все рассказал.

– И чо? – послышался ответ.

– Теперь от твоих показаний зависит, пойдешь ты соучастником преступления или организатором. Коновалов настаивает на том, что все замутил ты.

Станислав сразу уловил, что Бизон, обладающий недюжинной физической силой, интеллектом одарен в куда более скромной степени. Посему и разговаривать с ним решил соответственно, делая упор на то, что Коновалов откровенно его подставляет. Это возымело мгновенное действие.

– Чо-о? – Бизон невольно сжал кулаки и стал приподниматься на постели. Правда, приблизиться к Крячко вплотную ему мешал наручник, которым он также был прикован к кровати.

Впав в ярость, он орал, что вколотит Коновалова по ушам в асфальт, дабы другим неповадно было так его подставлять. Что Коновалов сам предложил угнать эту машину и угнал, потому что «мозгов у этого «дурика» отродясь не ночевало». Заведя сам себя, он разошелся и рвался прямо сейчас набить Коновалову морду. Разбушевавшись, Бизон соскочил-таки с кровати и попытался ринуться к двери, не обращая внимания на то, что наручник изрезает кожу

на руке в кровь. Крячко подумал, что он запросто мог бы сдвинуть за собой кровать, если бы та не была привинчена к полу.

На шум тут же прибежал охранник, приложив Бизона пару раз дубинкой по голове, после чего Крячко сковал наручниками и ноги разошедшегося наркомана, а подоспевший тюремный врач ловко вколол ему успокоительное. После этого Бизон быстро стушевался, размяк и как-то растекся по кровати всей своей нехилой массой, а Крячко продолжил допрос.

– Итак, ты отрицаешь, что именно ты явился организатором преступления, – произнес он, не уточняя, какое преступление имеет в виду.

– Отрицаю, – мотнул тяжелой головой Бизон. – Это он сам все придумал, сволочь! Первым начал хвастаться, что угонит эту тачку. Колючка может подтвердить, она все слышала, она и спор разбила!

– Когда спорили?

– Да с ночи еще начали. Я просто в окно выглянул и спросил, чо за тачка во дворе стоит по уши в снегу. А Коновалов и говорит – да, мол, ничейная тачка, бери и катайся!

Бизон довольно связно рассказал о подробностях спора в квартире Коновалова. Крячко с интересом слушал и даже с пониманием кивал. Когда словесный запас Бизона иссяк, он между делом спросил:

– То есть мужика Коновалов сам убил?

Взгляд Бизона, и так не отличающийся глубиной мысли, стал и вовсе пустым.

– Какого мужика? Ни про какого мужика я не знаю! Он как уехал со двора, так мы его и не видели. Кого он там сбил по дороге – знать не знаю! Он пусть и отвечает, дурак обдолбанный. А я тут ни при чем! Я его предупреждал, что он до первого мента доедет!

– Так, давай быстренько всю картину, – поторопил Крячко. – Как дверь открывали, кто присутствовал во дворе, где расстались.

Бизон, тяжело вздохнув, напряг память и рассказал, что ночью они с Коноваловым спорили, находясь под кайфом от вечерней дозы. К утру действие наркотика закончилось, а с ним и эйфория. Требовалось срочно найти дозу. Дома запасов не оказалось, и Коновалов взял ответственность за добычу «ширева» на себя. Он покинул квартиру и вернулся через некоторое время с нужным препаратом. Все трое укололись, быстренько пришли в чувство, повеселели и вспомнили о ночном споре. Быстро заключили пари, и втроем спустились во двор.

Утро было крайне морозным. И народу во дворе практически не было. Стряхнули снег с машины, Коновалов вскрыл дверцу и сел за руль. На него снова нахлынула волна эйфории, и он ощущал себя королем автопробега. Ехать вместе с ним Бизон и Колючка отказались. Договорились, что Коновалов отправится один, доедет до Казанского вокзала и вернется. А в доказательство сфотографируется на мобильный телефон, который он чудом еще не обменял на очередную дозу. После этого Коновалов выехал со двора, и больше они его не видели, оставшись с Колючкой дожидаться своего приятеля. Но вместо него дождались прихода полковника Гурова, который, кстати, практически выветрился из памяти Бизона. То есть он помнил, что приходил какой-то мужик, но кто он, зачем приходил и чем закончился диалог с ним, Бизон не мог ответить.

– А чего он хотел, мужик-то тот? – решил прояснить картину Крячко.

– А хрен его знает! Сосед, наверное, недовольный, права качать пришел. Коновалов говорил, что у него соседи все – суки конченые.

Крячко невольно подумал о том, что в таком вот состоянии совершается куча убийств. А человек потом даже не помнит, кого он лишил жизни и, главное, за что. И это, пожалуй, самое страшное... Потому и не испытывал он ни малейшей симпатии к Бизону, зная, что тот, находясь в неадеквате, спокойно может совершить убийство, и не одно.

И именно это обстоятельство заставляло его с сомнением относиться к вроде бы складным на первый взгляд показаниям Бизона... Нужно было еще допросить милую девушку с не

менее милым прозвищем Колючка, и Крячко, оставив Бизона на попечение персонала тюремного лазарета, отправился по ее душу. При этом отдал распоряжение переводить Бизона в СИЗО, поскольку в дальнейшей медицинской помощи его организм явно не нуждался.

Увы, девица по-прежнему спала мертвым сном, и врачи сказали, что, даже если попытаться привести ее в чувство с помощью медикаментов, это ничего не даст. Так что допрос лучше отложить на поздний вечер или вообще на завтрашний день. Не слишком довольный таким поворотом, Крячко был вынужден отправиться к Орлову докладывать обстановку.

Кое-какие из анализов уже были готовы, и Гуров, побеседовав с разными экспертами, шел на доклад к Орлову в более позитивном настроении, чем Крячко. Правда, перед посещением начальственного кабинета он все же для начала отправился к себе. Стаса там не было, и Гуров смог побыть некоторое время в уединении, сортируя мысленно полученные сведения и пытаясь сделать предварительный их анализ. Наметив про себя дальнейшие ходы, полковник хотел ими и заняться, дабы не терять время на доклад Орлову, однако генерал, словно чувствуя намерения Гурова на расстоянии, позвонил ему на сотовый и, услышав, что Лев сейчас у себя, потребовал явиться к нему.

Когда Гуров вошел в кабинет, Станислав Крячко уже сидел там. С несколько раздраженным видом он рассказывал Орлову о своей беседе с задержанными Коноваловым и Бизоном.

– ...И главное, Петр, поют они в один голос, складно, даже странно для «нариков»! Показания ни в чем не расходятся!

– Ну, так может, правду говорят? – предположил Орлов. – Ведь по словам патологоанатома, смерть неизвестного могла наступить давно, а вовсе не вчера. А труп просто засунули в багажник машины, которая стояла без присмотра. И не факт, что Коновалов.

– Не верю! – Крячко стукнул кулаком по коленке. – Не верю, что все тут так чисто!

Он повернулся на скрип открываемой Гуровым двери и, сделав приглашающий жест, продолжил говорить: – Лева, поди сюда! Садись! Вот подумай сам: Коновалов сказал, что Бизон и Колючка тусуются у него уже около месяца. По оперативным данным – а я их уже пробил, – никто из них не работает. На что они живут? Откуда доходы? И ширяются при этом!

– А ты у них самих спросил?

– А то как же! Только они друг на друга стрелы переводят. Коновалов говорит, что Бизон что-то приносил, как бы в благодарность за то, что живет в его квартире. А Бизон твердит, что это Коновалов всех содержит. Но ежу же понятно, что все это туфта!

– Скорее всего, они вместе промышляют мелким криминалом, – задумчиво заметил Орлов. – Кражи, гоп-стопы, возможно, проституция со стороны этой Колючки... Как ее, кстати, зовут, выяснили?

– Да. Некая Екатерина Митина, двадцати лет.

– Приезжая?

– Ты знаешь, нет, москвичка. Правда, довольно условная: отец и мать перебрались сюда по лимиту в конце семидесятых, работали на заводе, жили довольно скромно, получили однокомнатную квартиру в Перово и, когда обоим было уже под сорок, родили ребенка – Катю. Сами они, конечно, не бог весть что в социальном плане, сейчас на пенсии, оба поддают немного, но в меру. Ну и Катю свою вот упустили. С четырнадцати лет школу бросила, с какими-то компаниями связалась, неделями не появлялась дома. Они сначала искали, возвращали, а сейчас и сами рады, что она ушла, потому что девка все ценное из дома уже перетаскала. Так что где она сейчас обитает, с кем – им неизвестно. Это я оперов послал по их адресу, они мне разузнали, – пояснил Крячко свою осведомленность и с надеждой добавил: – Вот поговорю я с этой Катериной – и все их показания прахом рассыплются!

– А второй этот... как его? – наморщил лоб Орлов, игнорируя не слишком уверенное обещание Станислава.

– Бизон, – подсказал Крячко. – Зовут Егор Капустин, из Люберец, из родни одна дряхлая бабка, обретается в Москве года четыре, тоже толком нигде не работает. Так вот теперь скажите мне – откуда у них в квартире выпивка-закуска хорошая взялась, да еще и на «ширево» хватило? И вот еще какой момент: по словам Бизона, Коновалов ночью выходил и вернулся с дозой. Где он ее взял?

– А то мало ночных точек! – махнул рукой Орлов.

– А деньги, деньги! – не унимался Крячко. – Откуда деньги?

– Неизвестного мужчину не могли убить вчера ночью. – Гуров этой фразой в зародыше прекратил начинавшийся между Орловым и Крячко спор.

Оба вперили в него взгляды, и он пояснил:

– Мне патологоанатом сказал – неделя как умер, не меньше. А максимум – полтора месяца назад. Вот так. Теоретически, конечно, можно предположить, что Коновалов его убил и засунул тело в багажник. А потом...

– Благополучно об этом забыл! – подхватил Крячко. – Я пообщался с этой публикой, они родную маму замочат – и не вспомнят наутро!

– Возможно, возможно... – задумчиво произнес Гуров. – Но это только предположения. Заявления о пропаже человека у нас нет, сами задержанные убийство отрицают, может быть, и впрямь этот факт ими забыт. То есть все вообще шито-крыто, если бы не труп. Труп-то есть! Никуда от него не денешься. И как ни крути, а устанавливать личность убитого нам необходимо.

– Слушайте, друзья! – подал голос Орлов. – А почему мы так легко сбрасываем со счетов кандидатуру самого владельца машины, этого самого Царева? Если смерть неизвестного наступила полтора месяца назад, то Царев вполне мог его убить! А что? Очень удобно! Убил, сунул труп в багажник собственной машины, зная, что она будет всю зиму стоять во дворе до весны, и укатил себе в Германию! А когда труп найдут – какой, дескать, с меня спрос? Был в Германии, знать ничего не знаю, а багажник скрепкой открыть можно. Что Коновалов и сделал. И если бы не он, то вообще неизвестно, когда бы мы этот труп обнаружили. До самого приезда Царева! А он потом к нам бы примчался с легендой – приехал, а тут какие-то упыри мало что машину мою вскрыли, так еще и труп подкинули! А я ни при чем, меня полгода тут не было.

– А не проще ли ему было избавиться от этого трупа до отъезда? – внимательно выслушав Орлова, возразил Гуров. – Скинуть где-нибудь в лесу, и пусть лежит. Тогда точно с ним бы этот труп никто не связал! А так, как ни крути, его машина засвечена, а следовательно, и личность самого Царева. И потом, если бы труп он типа «обнаружил» в своей машине по приезде, мало бы кто ему поверил. Копать бы под него стали – мало не покажется!

– Вот и покопайте! – настоятельно произнес генерал-лейтенант. – Все данные на этого Царева поднимите – кто он, чем раньше занимался. Это сейчас он честный бизнесмен – сейчас практически все бывшие бандиты так себя именуют. А послужной список у таких лиц, как правило, очень длинный.

– А если там все чисто? – спросил Крячко, которому очень хотелось, чтобы убийцами оказались Коновалов с компанией.

– Дальше копайте! Чем живет, помимо бизнеса, какие отношения в семье... Может, ларчик просто открывается, и убитый – любовник его жены? Вы проверяли это?

– Нет, Петр, – ответил Гуров и добавил в оправдание, видя, что Орлов уже собирается попенять им за это: – Потому что занимались более срочными вещами. Коновалов и его друзья были на поверхности, вот их и отрабатывали. Да и адрес этот, по которому они все проживают, до конца не проработан. И я, кстати, сейчас собираюсь по нему проехать, время как раз подходящее: вечер, многие с работы возвращаются. Глядишь, кто-нибудь и узнает нашего убитого. Данные на Царева я поручу собрать. А ты, Станислав?

Вид Крячко свидетельствовал о том, что он с удовольствием отправился бы в автомастерскую забрать свою отремонтированную машину, однако по взгляду генерал-лейтенанта Орлова было видно, что он явно не одобряет подобного выбора. И Крячко, подавив вздох, сказал:

– Ну, могу тебе компанию составить...

– Вот и отлично! Быстрее управимся. А то там больше двухсот квартир.

– Сколько? – У Крячко вытянулась физиономия.

– Ничего, ничего, – посмеиваясь, подбадривающе похлопал его по плечу Лев. – Можно звонить сразу во все квартиры в блоке и показывать снимки одновременно.

– Про Царева не забывайте! – напутствовал их Орлов, когда сыщики уже двинулись к двери. – Завтра с утра займитесь! Какие-то сведения вам уже поступят, что-то сегодня разузнаете у соседей. Особенно напирайте на вопросы личного плана. Соседи многое знают, у них все на виду.

– Ага, они тебе наврут с три короба, а мы их сплетни отрабатывать будем! – проворчал Крячко. – Особенно бабы! Как услышат про жену Царева – столько интересного порасскажут, сколько она сама о себе не знает! И вообще, не думаю я, что тут какие-то любовники замешаны. – Это Крячко произнес, когда они с Гуровым уже покинули кабинет Орлова и спустились на улицу. – Да и Царев, скорее всего, ни при чем. Судя по всему, времени у убийцы было достаточно, если он смог снять с убитого верхнюю одежду и избавиться от нее. Значит, и от самого трупа мог избавиться. А он этого не сделал! Таким образом, если это Царев, то он подставляет самого себя! А человек, который работает в немецкой компании, явно не дурак.

– Ты ведь сам уверял, что он не успел избавиться от трупа, – заметил Гуров. – А от одежды, значит, успел?

Крячко ничего не ответил. Сел в машину, нахохлился в холодном салоне и с хмурым видом уставился в окно, на котором через морозный налет все равно ничего не было видно. В таком молчании они и подъехали к дому на улице Руставели. Многие окна в нем уже светились, возвещая о том, что хозяева квартир находятся дома.

– Ну что, Стас... – задирая голову и оглядывая девятиэтажное здание, сказал Гуров. – Поделимся по-братски? Начинаем – я с первого подъезда, ты со второго. Тебе четные, мне нечетные.

– Блин, мы тут до утра провозимся, – ворчливо проговорил Крячко.

– Ничего, глаза боятся – руки делают, – успокоил его Гуров. – Поехали! – И направился к первому подъезду.

Крячко, тяжело вздохнув, пошел ко второму и вскоре скрылся за открывшейся дверью.

Гуров тоже вошел в подъезд, позвонил в первую квартиру и вскоре уже беседовал с жильцами. Увы, беседа эта не принесла ему никакой полезной информации, но он и не рассчитывал на скорый результат. В подобных случаях Лев привык запастись терпением, посему методично обзванивал следующие квартиры, представлялся, заходил и, показывая фотографию убитого, задавал вопросы, не приходилось ли жильцам встречать этого человека.

Многие, особенно женщины, увидев изображение, ужасались, ахали, прижимая руку ко рту, мужчины морщились, но все как один твердили – никогда никого похожего в их дворе не было. Попутно Гуров интересовался Артемом Коноваловым и его окружением, а также фигурой Валерия Царева, владельца злополучного «Опеля», который угнал Коновалов. Некоторые мнения были схожими, но встречались и диаметрально противоположные.

– ...Да что про Коновалова можно сказать? Наркоман, он и есть наркоман. Все они на одно лицо, и образ жизни одинаковый! Живут от ломки до передоза. Точнее, доживают... А кто такой Царев, я вообще не знаю.

– Валера Царев? Оч-чень симпатичный мужчина! Правда, женат. И вообще примерный семьянин. Но я его уже давно не видела. А что случилось? Ой, ужас какой! А Валера-то тут при

чем? Ах, Коновалов! Вот этот мог убить, шваль наркоманская! Он у меня телефон пытался украсть!

– Царев – жлоб несчастный, вот что я вам скажу! И место это под свою машину незаконно занял! Просто ставил ее там всегда, а потом другую купил – еще одно место занял! Я ему говорил по-человечески – освободи мне место! А он – стоянка только для зарегистрированных жильцов, а ты просто квартирант! Ну да, я просто квартиру снимаю! Но мне же тоже надо где-то машину ставить! А он, козел, судом мне грозил. И жена у него такая же жаба. Любовники? Откуда я знаю? Да кому такая нужна? Хотя... Здесь вообще все соседи уроды, что Царев, что Коновалов. Второй даже лучше – вреда от него меньше. Он тихий, мирный, не спорит никогда. А что колетса – так это его проблемы. Фотография? Дайте-ка посмотрю... Вроде не видел. Хотя к Коновалову кто только не ходит! Я что, за всеми следить должен, что ли? Сдались мне эти соседи. Я вообще отсюда переезжать хочу.

– Моя воля – я бы этого Коновалова своими руками придушил! Весь подъезд загадили, сволочи! С утра до ночи у него шум, мат, музыка. А здесь дети у многих. Вам бы такое соседство понравилось? Вот и нам не нравится. Нет, этого мужчину с ним никогда не видел. Да он совсем не его поля ягода! Видно же, хоть и мертвый. С Царевым тоже не видел, он всегда один приезжает. А жена его дома сидит. Какие любовники, у нее двое детей маленьких. Нет, няни у них нет.

– ...Коновалов? Как же не знать! Беда всего дома! Наркоман несчастный, и друзья у него такие же! Выселять таких надо принудительно! Вон до чего дошел – человека убил! Как, почему он? Вы же сами о нем спрашиваете, значит, подозреваете! Да и кому еще? В нашем доме больше таких бандитов нет! А Валерий Евгеньевич человек очень приличный! С Коноваловым? Да что вы! Какие у них дела общие могут быть? Никогда они и не разговаривали между собой! Так что помяните мое слово – Коновалов и убил! Вместе с друзьями своими! Мужчина? Дайте-ка гляну, очки только надену... Нет, не видела.

– ...Вообще-то Артем парень хороший. Не повезло ему, родители погибли, вот он и покатился без присмотра. Ему же всего летнадцать было, когда их не стало. В таком возрасте без родителей остаться ой как тяжело! И из родни никого. Я его жалела, подкармливала даже на первых порах, на работу предлагала устроить – я в столовой работаю, там бы он всегда сыт был. Но он все – потом, потом! А потом вон что вышло – скатился совсем. Ох, боюсь, погибнет парень! Но чтобы он кого убил – нет! Никогда! Да что вы мне говорите, я его с детства знаю!

Примерно в таком ракурсе происходили беседы по всему подъезду, и Гуров перешел к следующему. С Крячко он не столкнулся и созваниваться с ним не стал: знал, если он ему понадобится, Станислав сам позвонит.

Первый подъезд был именно тем, в котором проживал Коновалов, поэтому и популярность его персоны среди соседей была высока. В третьем же о нем отзывались куда более сдержанно, некоторые, особенно те, кто снимали жилье, вообще о нем не знали, равно как и о Цареве. Но главное, и здесь никто ничего не мог сказать об убитом мужчине. Его не видели ни в компании Коновалова, ни Царева – вообще не видели.

Заканчивая с четвертым подъездом, Гуров уже склонялся к мысли, что это и впрямь было случайное убийство. То есть с целью ограбления. И вполне обеспеченный бизнесмен Царев тут ни при чем. Но вот Коновалов его совершил или кто-то еще, полковник так и не узнал.

В своей работе со свидетелями он сместился уже к последнему подъезду, туда, где дом торцом уходил во двор. На первом этаже, в полуподвале, виднелся свет и слышались мужские голоса. Гуров вспомнил, что здесь находится спортивный клуб, открытый Юрием Кухлинским, а также то, что собирался показать и ему фотографию не опознанного пока мужчины.

Однако перед беседой с Кухлинским Гуров набрал номер Крячко. Фон, звучавший на заднем плане, показался ему веселым, даже слишком. Звучала танцевальная музыка, и игривый женский голос что-то говорил.

– Стас, что у тебя? – прислушиваясь, спросил Гуров.

– Лева, я перезвоню, – отозвался Крячко, и Лев не стал вдаваться в расспросы, сказав лишь, что будет в спортклубе и, если Крячко скоро освободится, пусть идет туда.

Убрав телефон, он подошел к ступенькам, которые вели в полуподвал. Металлическая решетчатая дверь оказалась открыта. Гуров спустился вниз, толкнул еще одну – тяжелую, массивную, из толстого дерева, обитого жестью, и сразу попал в спортивный зал.

Внутри все выглядело довольно простенько, без дорогого ремонта и современного оборудования. Обычные полы, правда, свежеевыкрашенные синей краской, маты, шведская стенка... Помещение очень напоминало школьный спортзал.

Там шла тренировка: несколько парней, примерно от шестнадцати до двадцати двух лет, стояли в парах друг против друга и боксировали. Здесь же находился и Кухлинский, который переходил от одной пары к другой, кое-где задерживаясь и выкрикивая советы.

Гуров остановился у косяка, наблюдая за тренировкой и не желая ее прерывать, надеясь, что Кухлинский сам его заметит. Не прошло и минуты, как тренер увидел его, сразу же узнал и, бросив боксирующей паре реплику «Продолжать!», двинулся к полковнику, протягивая руку.

– Добрый вечер, – поздоровался Лев. – Юрий Петрович, я у вас много времени не отниму, просто покажу фотографию.

Он полез в карман и достал снимки убитого мужчины. Кухлинский, сдвинув брови, стал их рассматривать, потом сказал:

– Разрешите, я подойду к окну? Там лучше видно.

– Конечно, – кивнул Гуров.

Свет в помещении и впрямь был довольно тусклым, Кухлинский направился через зал к небольшому окошку, от которого, как показалось Гурову, толку тоже было немного, и, остановившись, снова всмотрелся в фотографии, говоря при этом:

– Вроде бы не видел я такого... Память на лица у меня хорошая, так что... А этого мужчину не помню...

Кухлинский возвратил Гурову снимки и с сожалением развел руками, давая понять, что больше ничем помочь не может. Полковник подавил вздох. Было обидно потратить весь вечер и не узнать хотя бы чего-то нового. Он обвел глазами зал. Занимались в основном молодые парни, некоторые почти подростки, и было их всего шестеро.

– Немного у вас народа, – заметил Лев.

– Холодно, – объяснил Кухлинский. – Обычно больше приходит. А тут морозы ударили – многие сразу и сачканули. Молодежь! – засмеялся он.

– Я тут думал над местоположением вашего клуба, – продолжал полковник. – Не слишком оно удачное. Если бы вы открыли его с другого торца, что выходит на улицу, возможно, посетителей было бы больше. А так, чтобы попасть в клуб, нужно пройти через двор, минуя все шесть подъездов, а делать это захочется далеко не каждому. Некоторые же вообще не знают, что здесь можно позаниматься.

– Ну, теперь-то что поделаешь! Переносить его в другое помещение – слишком много средств надо, а у меня их нет. – Кухлинский разговаривал с Гуровым и при этом поглядывал на своих подопечных. Ему не терпелось вернуться к тренировке. Однако полковник не спешил уходить.

– Юрий Петрович, я так понял, эти ребята все с окрестных дворов? – спросил он, и Кухлинский утвердительно кивнул. – С вашего позволения, я бы побеседовал с ними. Возможно, им приходилось видеть этого мужчину.

– Что ж, в принципе можно, но... – неуверенно начал Кухлинский.

Гуров перебил его:

– Я могу подождать окончания тренировки, не волнуйтесь.

– Ну, ждите, – согласился тренер. – Хотя вряд ли вы что-то от них узнаете.

Чтобы не мешать, Гуров вышел из зала. Сам зал отапливался хорошо не только за счет центрального отопления, но и электрических обогревателей. Здесь же было значительно холоднее, и он устроился около батареи. Тренировка продолжалась, и Лев слышал выкрикиваемые Кухлинским реплики, чаще всего отнюдь не хвалебные.

Он снова набрал номер Крячко; тот сказал, что освободился и уже скоро спускается. Гуров еще раз напомнил ему, чтобы тот шел в полуподвал, а пока они разговаривали, дверь спортзала приоткрылась и из него вышли двое парней, увлеченно обсуждавших проходящую тренировку.

– Мы в туалет, – бросил один из них, уловив взгляд Гурова, и полковник кивнул, продолжая по телефону разговор с Крячко.

Говорить, собственно, было особо не о чем, но Лев не отключал трубку. Осторожно ступая, он направился по узкому подвальному проходу в сторону, куда пошли ребята, но те уже скрылись за углом.

– Стас, не отключайся, – тихо проговорил он.

– Да я уже спускаюсь, Лева! – отозвался Крячко, который не понимал, что происходит.

Гуров, ничего не объясняя и держа телефон в руке, приблизился вплотную к двери, на которой красовалась табличка «ТУАЛЕТ». Она была написана от руки, да и сама дверь была простой, деревянной, даже не покрашенной. Лев приложил к ней ухо и услышал шум льющейся воды, за которым различил глухой стук. Не мешкая, он рванул дверь на себя. Хлипкая дверь, закрытая лишь на накиннутый ржавый крючок, поддалась сразу и распахнулась вместе с сорванным крючком.

Гуров оказался в крошечном помещении, приспособленном под туалет спортклуба, и взгляд его упал на небольшое окошечко наверху. Из него торчали чьи-то длинные ноги, а на сиденье унитаза виднелись следы ботинок. Видимо, парни по очереди вставали на него, подтягивались за трубу и таким образом достигали окна. Первый парень, очевидно, уже успел прыгнуть во двор, и Гурову оставалось лишь ухватить за ногу второго. Тот отчаянно замахал ногами, пытаясь лягнуть полковника, но Лев держал его крепко. Он ухитрился быстро застегнуть на ноге парня наручник, приковав второй его конец к трубе, а после этого крикнуть в трубку:

– Стас, принимай беглеца во дворе!

– Уже, Лева! – послышался удовлетворенный ответ Крячко. – Так что подтягивайся, теплая компания намечается.

Спустя пару минут Гуров и Крячко в компании закованных в наручники ребят вновь входили в спортивный зал. Увидев их, Кухлинский застыл с вытянутым лицом.

– Что же это вы, Юрий Петрович, парней выпустили? – с упреком обратился к нему Гуров.

– Они в туалет пошли, – растерянно выговорил Кухлинский. – Я же не думал, что... А почему вы их задержали?

– А потому, что они убегать начали, – суровым тоном пояснил Крячко, неодобрительно поглядывая на тренера. – А убегают те, у кого совесть нечиста!

– Не может быть! – Кухлинский переводил взволнованный взгляд с одного парня на другого. – Паша, в чем дело? С вами просто хотели поговорить, как с возможными свидетелями!

Парни переглянулись. В их глазах проскальзывали досада и страх, но вместе с этим Гуров уловил и какую-то молчаливую решимость. На вид они были самыми молодыми из присутствующих, обоим скорее всего лет по шестнадцать. Оба худенькие, один даже субтильный, и было непонятно, почему они вообще выбрали для себя такой вид спорта, как бокс, на взгляд Гурова, им больше подошло бы что-то типа легкой атлетики. Он еще не знал, почему парни кинулись удирать и связано ли это с обнаруженным в багажнике «Опеля» неопознанным трупом, а мозг помимо него уже анализировал ситуацию, оценивал, прикидывал, смогли бы эти

пацаны вдвоем, совершив убийство, затолкать тело взрослого мужчины в багажник. В принципе, смогли бы, наверное, но...

– Придется перенести наш разговор в управление, – строго проговорил он.

– Так, я с вами. – Кухлинский быстро подошел к двери и дернул с крючка куртку. – Ребята, заканчиваем! – крикнул он остальным, которые, ничего не понимая, сгрудились в углу, наблюдая за происходящим и о чем-то перешептываясь. Было видно, что симпатии их явно не на стороне Гурова и Крячко.

– Не стоит, – остановил тренера Гуров, резонно рассудив, что в его присутствии задержанные будут чувствовать себя увереннее и могут вообще отказаться говорить. – Они совершеннолетние?

– Да, – нехотя ответил Кухлинский.

– Документы есть с собой? – обратился Лев к парням, и те отрицательно замотали головами.

– Так, фамилии их! – потребовал Крячко, обращаясь к Кухлинскому.

– Павел Якушев и Михаил Сытин, – произнес тренер. – Но послушайте, вы напрасно подозреваете их в чем-то! Я знаю ребят достаточно хорошо, чтобы за них поручиться! – Он переводил встревоженный взгляд с Гурова на Крячко, апеллируя к обоим сразу.

– К сожалению, ситуация слишком серьезна, Юрий Петрович, чтобы можно было удовлетвориться поручительством, – покачал головой Гуров. – Мы расследуем убийство, а это не тот случай, когда можно разрешить все миром, взяв виновного на поруки.

Услышав слово «убийство», в углу, где сгрудились остальные участники тренировки, стал нарастать гул. Однако различить слова было невозможно, до Гурова долетела лишь брошенная кем-то фраза: «Я те говорю, не он!»

Он кинул взгляд на парней, которые тут же утихли под ним, и сказал:

– Вы, ребята, пожалуй, тоже с нами проедете.

– Для чего это? – раздался не слишком дружелюбный вопрос.

– До кучи! – отозвался Крячко, подходя к парням и кивком указывая на дверь.

Все синхронно повернулись в сторону Кухлинского.

– Так, я точно еду с вами, – надевая куртку, произнес тренер, и вся ватага послушно пошла к выходу.

Загрузиться всем в легковушку Гурова не представлялось возможным, и полковник вызвал оперативную машину, которая и доставила их в главк. Кухлинский молча сидел вместе с ребятами. Вид у него был настолько обреченным, что Гурову стало даже немного его жаль. Очевидно, тренер получил жестокий удар как по своему педагогическому самолюбию, так и по вере в своих воспитанников, коими еще недавно так гордился.

Гуров же отнюдь не был уверен в том, что задержанные им парни причастны к убийству мужчины, которого до сих пор именовали «неизвестным». То, что рыльце у них в пушку, было ясно, однако вовсе не означало, что они принимали участие в преступлении. Учитывая их не слишком благополучное происхождение, а также окраинный район, в котором они проживали, за ними могло числиться что угодно – от мелких краж до гоп-стопов. Гуров был практически уверен, что у каждого не по одному приводу в полицию, и сейчас, перед допросом, мысленно выстраивал его схему. Нужно было провести все грамотно, так, чтобы у ребят создалось впечатление, что Главному управлению МВД досконально известно о всех их подвигах.

О том же думал и Станислав Крячко – правда, не столь глубокомысленно, как Гуров. Крячко вообще был человеком действия, и хоть в психологии тоже разбирался неплохо, но на своем уровне, отличном от гуровского. Он знал, что сориентируется на ходу и, в зависимости от поведения допрашиваемого, выберет нужный тон: где надавить, где убедить, где посулить побрякки, а где и пригрозить.

С таким настроением они и прибыли в главк. Времени на часах было половина двенадцатого, генерал-лейтенант Орлов, не ожидая сегодня уже никаких делегаций – Гуров и Крячко полтора часа назад отчитались по телефону, что беседа с жильцами дома по улице Руставели новой информации не принесла, – благополучно отбыл домой. Но Гуров с Крячко нисколько не расстроились из-за этого, так как разобраться с задержанными могли вполне самостоятельно. Да и грузить лишний раз Орлова по пустякам не хотелось.

Всех разбили на три неравные группы. В первую вошли задержанные Якушев и Сытин, во вторую остальные молодые боксеры, третья же, самая малочисленная, состояла из одного Кухлинского, которого доставили сюда по его же собственной инициативе и с которым ни Гуров, ни Крячко особо разговаривать не собирались. Лев хотел ограничиться лишь несколькими общими вопросами, резонно полагая, что просить его дать характеристику задержанным бесполезно: Кухлинский явно будет настроен необъективно и станет всячески расхваливать своих подопечных.

Гуров взял на себя Сытина и Якушева, остальных перепоручил Крячко, а Кухлинского посадил в дежурке писать характеристику на каждого задержанного, но сделал это больше для проформы, чтобы взъерошенный тренер не путался под ногами.

Допрос Павла Якушева и Михаила Сытина длился в общей сложности три часа: Гуров беседовал с ними по отдельности, потратив на каждого около полутора часов. Никаких прямых обвинений Лев не выдвигал, он расспрашивал, давно ли они занимаются в спортивном клубе, график, по которому посещают занятия, давно ли дружат между собой. Параллельно с этим отдал распоряжение пробить обоих друзей по базе и сообщить, если выяснится что-то интересное.

Кое-что в определенном смысле интересное действительно выяснилось. Так, Гурову сообщили, что полтора года назад Сытин и Якушев были задержаны за мелкую кражу – украли у соседки по лестничной площадке висевшую в прихожей сумку. Кстати, жили они не по тому адресу, где располагалась секция бокса, а через три дома. На краже их поймали по горячим следам, и, по идее, они должны были получить срок – скорее всего, условный. Но так как сумка была старая и хранилась в ней какая-то мелочь, а матери обоих незадачливых воришек со слезами на глазах умоляли соседку простить их чад, пострадавшая, зная эти семьи с детства, заявление забрала. Однако сведения в базе данных остались.

Помимо этого, у Сытина и Якушева имелась парочка приводов в милицию за «хулиганку», но это было еще три года назад, когда обоим не исполнилось и четырнадцати. Словом, криминальное прошлое, пусть и небогатое, имелось у обоих.

На все вопросы Гурова парни отвечали коротко, «да-нет», и всячески показывали, что на откровения с ними рассчитывать не приходится. А полковник ломал голову, как перейти к главному: предъявить обвинения в убийстве обоим было не за что. Никаких, абсолютно никаких оснований для этого не было, и он понимал, что задержал их только потому, что оба кинулись бежать. Следовательно, у него есть всего лишь несколько часов, чтобы раздобыть улики против парней, иначе ему придется их отпускать. И все-таки интуиция подсказывала ему, что задержал он их не зря.

Лев крутил и так, и эдак, думая даже, что, возможно, стоило отдать этих ребят в распоряжение Крячко, который со своей крестьянской хитринкой мог подловить их на какой-то нестыковке и, ухватившись за нее, дожать их. Сам Гуров пользовался иными методами, которые в этой ситуации, похоже, работали слабо. Как ни убеждал их полковник откровенно рассказать, что им известно, как ни говорил многозначительно, что следствие все и так все знает, толку не было. Оба говорили, что ни в чем криминальном не замешаны, а убежать решили, потому что темные пятна в биографии не лучшим образом их характеризуют в глазах правоохранительных органов, и посему они предпочитают держаться от них подальше.

– Мы ни в чем не виноваты. И не знаем ничего. Полиции от нас все равно толку не будет. А вы же разбираться не станете, упакуете – и вперед! Кому охота ночь в камере проводить? – говорил Якушев.

– Что вы от нас конкретно хотите? В чем обвиняете? Предъявите официальное обвинение, тогда и поговорим! А пока я вообще не знаю, чего вам надо! – твердил Сытин.

Как раз официального обвинения Гуров и не мог предъявить. Не лучше шли дела и у Крячко. Все парни, посещавшие секцию бокса, возмущались тем, что их забрали безосновательно, равно как и их товарищей. Крячко отыскал-таки среди них того, кто произнес фразу «это не он», им оказался двадцатилетний Николай Морозов, но он упрямо твердил, что говорил вообще не о ситуации в секции, а обсуждал недавно просмотренный фильм. На осторожные вопросы Крячко о том, в курсе ли ребята, что натворили их коллеги по секции и за что их задержали, все отвечали, что нет и что, как водится, полиция просто хватает первых попавшихся.

В конце концов, Крячко решил отправить всех в камеру до утра – это была единственная мера, на которую он был сейчас способен и которую в сложившихся обстоятельствах считал все же наилучшей. Он полагал, что это должно возыметь психологическое действие: ночь в камере, да еще отсутствие конкретики в обвинениях, лишь мутные фразы типа «нам все равно все известно» должны были вызвать у ребят чувство неопределенности и, как следствие, тревоги. И утром Крячко планировал вызвать их не сразу, а помариновать до обеда, а потом приглашать для беседы поодиночке, не возвращая допрошенного обратно.

Гуров же напоследок выложил фотографию убитого – и перед Сытиным, и перед Якушевым. Он выкладывал их молча и просто наблюдал за реакцией ребят. Надо признать, фотографии трупа все же заставили их как минимум занервничать. У Михаила Сытина стали подрагивать руки, а Павел Якушев несколько раз выкрикнул: «Ну и что? И кто это? Вы думаете, это мы? Думаете, это мы?»

Гуров намеренно ничего не отвечал, сказав лишь:

– Вот ты посиди в камере и подумай хорошенько. Если к утру надумаешь, оформлю тебе не просто чистосердечное, а явку с повинной. Но помни – спецпредложение действует до девяти часов завтрашнего утра.

После этой фразы, произнесенной каждому в отдельности, он отдавал распоряжение конвойному увести задержанного. Оставшись в кабинете один, Лев задумался. Если ребята все же откажутся воспользоваться его «спецпредложением», а он до завтрашнего утра не будет располагать железными уликами против них, их придется отпускать – это раз, они с Крячко окажутся в идиотском положении – это два. И генерал-лейтенант Орлов будет очень недоволен таким положением вещей и поведением своих лучших оперативников, которые «остались с носом».

Такого же мнения был и Крячко, который, распахнув ребят по камерам, прошел в кабинет, где проводил свой допрос Гуров, и, едва войдя, сразу понял все по глазам своего друга.

– Пустышка? – на всякий случай уточнил он и, поймав кивок Гурова, добавил: – У меня тоже. Вся надежда на завтрашнее утро.

– Да, я дал им время до половины девятого.

Теперь кивнул Крячко – с пониманием, поскольку знал, что в девять начинается планерка, в ходе которой они должны отчитаться перед Орловым за свои действия, и если тот услышит, что его лучшие сыщики, можно сказать, опростоволосились, начальственного гнева не избежать.

– Я прямо слышу, как он нас отчитывает: «Оперативнички со стажем! Настоящие полковники! С мальчишками справиться не могли!» – передразнил Крячко Орлова. – И ведь будет прав, Лева! – со вздохом добавил он.

Гуров был с этим согласен, но все же не склонялся к пессимизму. Еще перед допросом он связался с экспертами и распорядился прямо с утра проехать к спортивному клубу и самым

тщательным образом обследовать помещение. А эксперты такие дотошные ребята, что что-нибудь да обнаружат непременно. А это даст возможность хотя бы выиграть время и задержать ребят еще. Хотя подобное Гурову тоже очень не нравилось: он не любил тянуть время впустую в ходе расследования, он всегда был нацелен на результат. Но сейчас ситуация сложилась исключительная, они с Крячко были связаны по рукам и ногам. Во-первых, из-за неустановленной личности погибшего, во-вторых, невыясненной даты его смерти, а в-третьих, что вытекало из первых двух пунктов, был неясен мотив, из-за которого его убили. То есть не было у Гурова и Крячко практически ничего, от чего можно было оттолкнуться, вот и хватался он за этих юных спортсменов, как за весьма хлипкую соломинку.

– Меня удивляет и настораживает единство в настрое этих ребят, – задумчиво проговорил Лев. – Все намертво стоят на одном – ничего не знаем, ничего не делали, почему нас задержали. Это говорит либо о том, что они действительно ничего не знают, либо договорились занять такую позицию заранее, предполагая, что ими заинтересуются. И мне кажется, здесь имеет место второй вариант. Не зря Якушев и Сытин пустились в бегство. Насчет того, что не хотели связываться с полицией, – это детская отмазка. Наоборот, им было бы лучше спокойно побеседовать, они же понимали, что я пришел не лично по их душу, и видели, как я показывал фотографии Кухлинскому, то есть просто искал свидетелей.

– Стоп! – перебил его Крячко. – А если в этом все дело? Они увидели эти фотографии и именно их испугались?

– Я тоже так подумал. Но пока это только наши предположения. Очень надеюсь, Стас, что к утру мы будем располагать дополнительными сведениями, иначе картинка и впрямь получится некрасивая. Еще и извиняться придется.

– Ну, это уж дудки! – фыркнул Крячко. – Ладно, пошли! Время к трем часам ночи приближается!

Они сели в машину Гурова, тот подвез Крячко до дома и отправился к себе. Спать оставалось меньше трех часов...

Глава 4

Наутро Гуров прибыл в главк за полчаса до начала рабочего дня. Несмотря на то что спал он всего ничего, выглядел свежим, гладко выбритым и полностью готовым к работе. Крячко, который явился на пять минут позже, ничем подобным похвастать не мог. Помятое лицо, одежда такая же, а бриться Станислав и вовсе не стал, решив, что неразумно тратить время на такие глупости, когда на тебе висит нераскрытое дело, а камеры переполнены задержанными, которым толком еще и не предъявлены обвинения.

Пока Крячко, позевывая и протирая заспанные глаза, ставил чайник и готовил кофе, Гуров позвонил экспертам. Поговорив с ними пару минут, он положил трубку и проронил:

– Стас, заканчивай кофеи гонять, там для нас у экспертов сюрприз имеется. Так что пойдем.

– Надеюсь, что хоть сюрприз приятный, – с сожалением проговорил Крячко, на ходу сделал несколько глотков, обжегся, чертыхнулся и отставил чашку.

– Ничего не могу обещать, – запирая кабинет, ответил Гуров и, широко шагая, пошел к лестнице.

– Ну что, Лев Иванович, могу сказать, что ночь мы не спали не зря, – с довольным видом проговорил эксперт при виде Гурова и Крячко. – На полу в спортклубе обнаружены замкнутые следы крови. И принадлежат они нашему неизвестному, найденному в багажнике «Опея». Так что убили его определенно там.

Гуров с Крячко переглянулись, и оба почувствовали облегчение. Эта информация означала, что теперь им есть что предъявить задержанным Сытину и Якушеву. И вообще, когда известно хотя бы место совершения преступления в таком мутном деле, это уже прорыв. А учитывая, что главные подозреваемые находятся здесь же, в камере, до завершения расследования оставалось совсем немного. И уже не стоит опасаться нагоняя от Орлова за незаконное задержание.

– Но и это еще не все! – воздел вверх палец эксперт. – Микрочастицы той же крови обнаружены также и на одежде Павла Якушева. Одежду стирали, но полностью удалить такую субстанцию, как кровь, довольно сложно. Так что микроскопические следы есть. У Михаила Сытина, правда, ничего такого не обнаружено, но мы же не обследовали всю его одежду! В день совершения убийства он мог быть одет и по-другому.

– Отлично, я получу ордер и отправлю группу по его адресу, – кивнул Гуров. – Все, что обнаружится в шкафу и в стирке, тащите сюда и исследуйте самым тщательным образом.

– Помилуйте, Лев Иванович! – взмолился эксперт. – Вторые сутки без сна! Может быть, подмените? Другие же специалисты есть!

– Есть-то есть, да все заняты, – вздохнул Гуров, но, увидев, насколько покраснели глаза немолодого уже эксперта, добавил: – Ладно, езжайте домой, если понадобится, во второй половине дня я вас вызову.

Эксперт повеселел и благодарно пожал ему руку, сказав, что все заключения у него готовы и лежат на столе. Гуров взял их и набрал номер одного из оперативников, распорядившись ехать по адресу Сытина и везти в лабораторию всю его одежду.

Когда Гуров и Крячко шли по коридору, возвращаясь в свой кабинет, навстречу им попался генерал-лейтенант Орлов. Станислав сразу же заулыбался, протягивая руку для приветствия.

– Здорово, Петр! – радостно произнес он.

– Что это ты сияешь как медный таз? – с подозрением спросил Орлов – он всегда не доверял преувеличенно приподнятому настроению Крячко.

– Так убийство мы раскрыли! – горделиво сообщил тот.

Орлов на всякий случай посмотрел на Гурова.

– Да погоди пока с раскрытием! – поморщился тот. – Петр, предполагаемые виновные в смерти неизвестного мужчины задержаны, против них имеются очень серьезные улики. Заключение экспертов у меня на руках. Что касается личности убитого, то, к сожалению, ее пока установить не удалось. Но мы надеемся выяснить это в процессе допроса, к которому намерены приступить немедленно.

Гуров настолько четко и коротко изложил суть дела, что Орлову осталось лишь кивнуть и столь же коротко ответить:

– Приступайте! А по завершении протоколы допроса мне на стол!

Сыщики прошли в кабинет, и Гуров распорядился привести задержанных. Когда Сытин и Якушев появились в дверях, полковник сразу приступил к делу.

– Мы специально вызвали вас обоих, чтобы вы не думали, что мы водим вас за нос и за неимением улик пытаемся соврать, будто один из вас признался и валит вину на другого. Улики у нас появились, причем такие, что дело уже можно передавать в суд. С обвинением в убийстве, – добавил он. – Но прежде чем это сделать, мы хотели бы все-таки послушать вас.

От Гурова не укрылось, как при упоминании о передаче дела в суд Сытин и Якушев быстро переглянулись, и взгляды их были встревоженными.

– Чтобы не быть голословными, – продолжил Гуров, – могу предложить вам ознакомиться с заключением экспертов.

Изящным для его могучих рук жестом Крячко выложил на стол заключение. Первым его прочел Сытин, после чего, с еще более встревоженным видом, передал Якушеву. Павел читал более вдумчиво, не торопясь, и бьющаяся на белом юношеском виске синяя жилка свидетельствовала о том, как сильно он нервничает.

– Ну что, – подмигнул обоим Стас, – вижу, вы прониклись? А то! У нас контора, конечно, пустяковая, но таким почетным гостям, как вы, внимание особое. Так что пока вы тут дрыхли в комфортных условиях за казенный, заметьте, счет, мы, не покладая рук и ног, трудились. А по трудам и заслуги, верно?

Он выглядел веселым и даже благодушным. Мало того что Крячко предвидел скорое окончание дела, которое, откровенно говоря, сам невольно и «притащил» в главк, так еще ему с утра позвонили из страховой компании и сообщили, что он может получить сумму за ущерб, нанесенный его автомобилю, причем сумма даже превышала то, на что рассчитывал сам Станислав. Так что настроение у Крячко было настолько отличным, что он даже великодушно предложил заскучавшим парням закурить; пообещал устроить их в лучшую камеру, если они прямо сейчас напишут чистосердечное, и быстро положил перед обоими по чистому листу.

– Не надо! – хрипло произнес Якушев.

– Ну, не надо, так не надо. Мы люди не гордые! – хмыкнул Крячко, убирая сигареты.

– Я не об этом! – резко придвигая лежавший перед Сытиным лист и комкая его, сказал Павел. – Мишка не виноват, это я один сделал!

– О как! – произнес Крячко и с интересом посмотрел на Якушева. – То есть ты на себя все берешь? Благородно!

– Благородство тут ни при чем, я на самом деле один был! Отпустите Мишку! – выкрикнул Якушев.

– Я тоже думаю, что благородство тут ни при чем, – строго проговорил Крячко. – Ты сразу смекнул, что улики пока только против тебя, так что тебе лично уже не отвертеться, а за групповое срок больше получится, вот и решил все на себя взять. Благородный какой нашелся!

– Я сейчас все напишу, отпустите Мишку! – твердил Павел.

– Ну, насчет отпустить мы пока погодим, – сказал Крячко. – Я же сказал – пока нет улик, пока! – со значением повторил он. – Вот сейчас у него обыск проведут, думаю, тогда разговор повеселее пойдет.

– Вы проводите у меня обыск? – Сытин вскочил со стула. – На каком основании?

– А ну, сядь! – рявкнул Станислав, резко вскидываясь в сторону Михаила. – На законном основании! Так что, пока не поздно, предлагаю тебе чистосердечно во всем признаться. Чисто-сердеч-но, а не держать полковников убойного отдела за лопухов, которые в ваши мули поверят!

Сытин мгновенно рухнул обратно на стул и вопросительно уставился на Якушева.

– Так, пора вас разводить! – Крячко поднялся и, дернув Сытина за плечи вверх, повел за собой.

– Мишка, ничего не пиши! – выкрикнул Якушев, но Крячко уже пинком захлопнул дверь кабинета.

Гуров остался наедине с Якушевым. Он ничего не сказал, молча протянул ему ручку, и Павел так же молча начал писать.

Через час Гуров и Крячко, сидя вдвоем в своем рабочем кабинете, читали написанные Сытиным и Якушевым показания. Они гласили, что приблизительно три недели назад (у Сытина значилось «месяц») они пришли в спортивный клуб на тренировку. Тренера еще не было, и они вошли сами, поскольку у них имелся экземпляр ключей. На полу в раздевалке наткнулись на тело убитого мужчины, им неизвестного. Испугавшись, что в убийстве обвинят их, они выволокли тело во двор, но, когда увидели стоявший во дворе «Опель», им в голову пришла идея положить тело в багажник. Вскрыв его, они опустили тело внутрь, захлопнули крышку и вернулись в клуб, после чего спокойно начали тренировку.

Прочитав показания, Гуров и Крячко переглянулись.

– Почти слово в слово, – проговорил Крячко.

– Ты им веришь? – спросил Гуров.

– Да конечно нет! – Крячко с досадой отшвырнул лист. – Сами они его и грохнули, это и ежу понятно! А теперь сказку сочиняют, дескать, он уже мертвый был! Во умники, а? То есть, по их мнению, кто-то непонятно как завлек непонятно кого в спортклуб, зарезал, раздел, а потом спокойно запер дверь и ушел. Бред!

– Я тоже думаю, что это бред, – задумчиво проговорил Гуров. – Конечно, никто посторонний не мог туда никого завлечь. А вот...

Он поднялся с места и заходил по кабинету. Крячко продолжал сыпать возмущением в адрес «малолетних баснописцев», предлагая подвергнуть их жесткому перекрестному допросу. Лев не реагировал, о чем-то сосредоточенно размышляя. Когда в монологе Крячко повисла пауза, он проговорил:

– Станислав, я отъеду ненадолго.

– А мне что делать? – удивленно спросил тот.

– Жди заключения из лаборатории, можешь Петру показать протокол. – Сняв с вешалки дубленку, Гуров пошел к лестнице.

Когда он спустился к проходной, то увидел там стоявшего тренера Кухлинского. Тот потирал покрасневшие с мороза руки и дул на них.

– Юрий Петрович? Доброе утро, – шагнул ему навстречу полковник.

– Здравствуйте, Лев Иванович. Я едва дождался утра, хотел поговорить с вами, а меня не пускают, – заговорил тренер. – Вы уезжаете? Я хотел бы с вами поговорить, это срочно.

– Уже не уезжаю, – сухо произнес Гуров. – Я, вообще-то, направлялся к вам, но в данном случае, как говорится, на ловца и зверь бежит. Пройдемте!

Они прошли через турникет и стали подниматься по лестнице. Гуров провел Кухлинского в свой кабинет. Крячко там уже не было, и Гуров был рад этому. Он намеревался поговорить с Кухлинским с глазу на глаз.

Они сидели друг напротив друга и молчали. Первым заговорил Лев:

– Юрий Петрович, ребятам грозит срок за убийство, и срок немалый. Честно признаюсь, я не знаю, что там произошло в вашем клубе, но надеюсь узнать у вас. Хотите почитать, что они написали?

Кухлинский осторожно кивнул, и Гуров протянул ему копию протокола допроса Павла Якушева. Кухлинский читал очень внимательно; когда он дошел до конца, на скулах его заиграли желваки.

– Вы же понимаете, что это детский лепет? – обратился к нему Гуров.

– Да уж, – невесело усмехнулся тренер.

– Только вот лет им больше, чем детям, – столь же серьезно продолжал Лев. – И срок будет не детским. А вы, помнится, гордились тем, что воспитали настоящих ребят?

– А я и сейчас не отказываюсь от своих слов, – ответил Кухлинский. Потом резко поднял голову и добавил: – Лев Иванович, мне приходилось сталкиваться с правоохранительными органами, и у меня нет иллюзий на этот счет. Но вы мне кажетесь человеком порядочным, поэтому я прошу вас выслушать меня внимательно и хотя бы постараться поверить.

Гуров внимательно смотрел на сидевшего перед ним боксера. Он знал и хорошо помнил, что этот человек еще вчера спас ему жизнь. Но даже ради этого обстоятельства он не собирался жертвовать своими принципами и идти на должностное преступление. Он симпатизировал Кухлинскому, и то обстоятельство, что тот не использовал этот аргумент в свою пользу, не пытался спекулировать своей помощью, оказанной полковнику, Гурову также импонировало. Он готов был выслушать Кухлинского и был уверен, что сейчас услышит правду.

– Этот человек приходил ко мне, – начал свой рассказ Кухлинский. – Я его совершенно не ждал и даже не знал, кто он такой.

– Он вам представился? – спросил Гуров.

– Да. Он сказал, что является аспирантом филиала юридической академии в Орехове.

– В Орехове? – отметил скорее про себя Гуров. – Он оттуда приехал?

– Как я понял, да. Дело в том, что мы даже не успели с ним побеседовать! И я не понял, что ему вообще от меня было нужно.

– Это как же так? – поинтересовался полковник.

– Да ведь меня как раз вызвали, потому что у нас прорвало трубу! Черт! Не прорвало, а... – Кухлинский занервничал и заерзал на стуле. Потом, немного взяв себя в руки, попросил: – Давайте лучше я все расскажу по порядку.

– Да, это лучше всего, – кивнул Гуров.

Несмотря на то, что на дворе было всего лишь двадцать седьмое ноября, мороз на улице превысил минус пятнадцать градусов. А вот со снегом вышла неувязка – его не было. Ежась от пронизывающего ветра, Юрий Кухлинский торопливо шел к углу дома, где располагался открытый им спортивный клуб. Возле клуба он заметил фигуру мужчины и решил, что это кто-то из его ребят уже пришел на тренировку, хотя никто из них не носил таких лохотенных укороченных пальто. Подойдя ближе, Кухлинский увидел незнакомого мужчину.

– Простите, вы Юрий Петрович Кухлинский? – спросил тот.

– Да, а вы что хотели? Боксом интересуетесь? – Тренер уже звенел ключами, отпирая замок и стремясь поскорее попасть в теплое помещение.

– Нет, пожалуй, бокс меня совершенно не интересует, – засмеялся мужчина. – Вы не могли бы уделить мне несколько минут? Понимаете, я приехал из Орехова специально, чтобы побеседовать с вами. Я пишу диссертацию на одну тему, в которой вы могли бы быть мне полезны.

– Диссертацию? – Кухлинский изумленно посмотрел на гостя и невольно рассмеялся. – Боюсь, что к науке я имею еще меньше отношения, чем вы – к боксу!

– Да вы не поняли, мне ваша консультация как ученого совсем не нужна. Так, кое-какие воспоминания и личные впечатления, только и всего.

– Ну что ж... – Кухлинский посмотрел на часы. – У меня тренировка через пятнадцать минут, можем пока поговорить.

– Спасибо! – обрадовался мужчина, спускаясь следом за ним в полуподвал. – Кстати, меня зовут Вячеслав.

Кухлинский не успел ответить – у него зазвонил телефон. Мужской голос звучал хрипло, словно с перепоя:

– Юрий? Ты где?

– А кто это? – удивленно спросил тренер.

– Сантехник я, мать-перемать! Меня соседи твои снизу вызвали! Ты что ж, мать-перемать, залил их по уши? Они меня вызвали, кран у тебя сорвало, вода хлещет!

– Елы-палы, – только и смог произнести Кухлинский.

– Давай, дуй быстрее сюда, пока до первого этажа не дошло!

– Сейчас буду! – торопливо проговорил Юрий Петрович, отключая телефон.

Потом повернулся к мужчине и, извиняясь, сказал:

– Вы не могли бы подождать меня несколько минут? У меня там авария в квартире.

– Конечно, конечно, – закивал тот, и Кухлинский помчался к себе в квартиру.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что никакой сантехнической катастрофы там не наблюдается. Все было спокойно, краны закрыты, воды на полу нет. Совершенно сбивый с толку, он направился к соседям, чья квартира находилась прямо под ним. Открывший дверь сосед также был удивлен его визитом, сказал, что у него все в порядке и никакой сантехник ему не звонил и не приходил. И вообще, местный сантехник дядя Коля уже две недели находится в запое, с момента, как начал отмечать великий праздник Единения России.

– С перепоею, поди, ему и померещилось, – посмеиваясь, сказал сосед.

Кухлинского, однако, не слишком удовлетворило подобное объяснение, и он не поленился пройтись по всем соседям до первого этажа. Все лишь пожимали плечами, шли в ванную и убеждались, что никаких причин для беспокойства нет. В конце концов, он решил, что это чья-то дурацкая шутка, и отправился обратно в спортклуб, с досадой отметив, что потерял больше получаса. Уже должны были собираться ребята на тренировку, к тому же его дождался мужчина из Орехова, о котором он во всей этой суете успел подзабыть.

Спустившись вниз, Кухлинский обнаружил, что в подвале не горит свет. Чертыхнувшись, он зажег спичку. На ступенях виднелись какие-то темные капли. Пройдя внутрь, он увидел, что неожиданного визитера нет. Решив, что тому просто надоело ждать и он ушел, Кухлинский полез к электрощитку, чтобы проверить причину отсутствия света.

Ощупью он стал пробираться к нему, как вдруг споткнулся обо что-то на полу и едва не упал. Рука, на которую он инстинктивно оперся, вмялась во что-то мягкое и липкое. Медленно подняв ее, Кухлинский чиркнул другой спичкой и увидел, как по его пальцам стекает кровь.

Моментально вскочив на ноги, он осветил пространство на полу. Там лежал мужчина. Приблизив пламя спички, тренер убедился, что это тот самый человек, который назвался Вячеславом. Только сейчас на нем не было ни полупальто, ни ботинок. Мужчина лежал в одной рубашке и брюках, на спине, а из раны на голове вытекала кровь...

Кухлинский почувствовал, как гулко застучало у него сердце. В пугающей темной тишине это был единственный звук, и раздавался он зловеще. Потеряв ощущение времени, он не мог даже примерно сказать, сколько так простоял в оцепенении. Из этого состояния его вывели послышавшиеся сверху голоса – кто-то негромко переговаривался между собой.

Юрий Петрович разогнулся, и тотчас его ослепил луч фонарика, направленный прямо в лицо.

– О, Юрий Петрович! А что света-то нет? – услышал он голос Паши Якушева, одного из своих воспитанников.

– Хорошо, у нас фонарик с собой, – вслед за ним сказал Миша Сытин, и по лестнице зазвучали шаги обоих мальчишек.

Кухлинский стоял возле окровавленного трупа и думал, что все это какая-то ужасающая нелепость. Те минуты, в течение которых он отсутствовал в подвале, полностью перевернули его жизнь. Еще сорок минут назад все было хорошо и спокойно, а теперь словно вдребезги раскололась картина его небольшого, но стабильного мира.

Ребята подошли к тренеру. Они еще не знали, не видели, что случилось, и продолжали о чем-то галдеть на ходу.

– Юрий Петрович! – немного удивленный поведением тренера, который стоял как вкопанный, окликнул Павел. – Вы чего?

Кухлинский не двигался. Он не мог даже разлепить губы, чтобы что-то сказать, и просто молча ждал развязки.

Якушев опустил фонарик вниз, и свет его упал на мертвое тело на полу. Ситуация из мирной моментально превратилась в жуткую. Ребята растерянно переводили взгляды с трупа на своего тренера, фонарик в руках Якушева заплескал, и Сытин подхватил его, не дав упасть на пол и разбиться.

Все трое молча стояли некоторое время. Кухлинский не в силах был ничего объяснять, нутром понимая, сколь неправдоподобно будут звучать любые оправдания. А мальчишкам казалось невозможным задать ужасный вопрос и получить еще более ужасный ответ. И лишь когда наверху послышались голоса других ребят, пришедших на тренировку, все мгновенно, словно очнувшись от ночного кошмара, пришли в себя и включили разум.

– Я их уведу, – первым сказал Паша Якушев и стал подниматься наверх.

– Короче, тренировка отменяется – свет вырубился, – небрежно объяснил он ребятам, и Кухлинский невольно изумился, насколько обыденно звучит его голос.

– Ну вот, по такой холодине зря перлись! – послышался недовольный отклик.

– А может, починить можно? – предложил кто-то еще.

– Без тебя починят! – отрезал Павел. – Так что давайте, топайте, я потом всем отзвонюсь, скажу, когда в следующий раз.

– Ну, пока. Пока, – с сожалением прозвучали голоса, затем шаги, и все стихло.

– Порядок, – бросил Якушев, вернувшись обратно.

Потом деловито склонился над телом, осмотрел его и сказал:

– Через час двор совсем опустеет, вынести его надо. Втроем легко управимся.

...Позже, дожидаясь, когда двор погрузится во тьму, они тщательно замывали полы водой из трубы отопления, что располагалась в подвале, тщательно мыли покрасневшие от холода руки, чистили обувь, и за это время ребята так и не спросили тренера о том, что произошло. Когда решили, что пора выносить тело, Кухлинский все же сделал останавливающий жест и предложил обратиться в полицию.

– Я его не убивал, – говорил он. – Хотите верьте, хотите нет, но не убивал. И ножа у меня нет. Полиция все проверит.

– Юрий Петрович, – с нескрываемым скепсисом в голосе отозвался Якушев. – Вы думаете, менты станут что-то проверять? Да они нас с вами повяжут на радостях, что такие лохи сами сдались! Я ментов хорошо знаю, твари еще те!

– Точно, точно, – кивал Сытин, поддакивая. – Уж мы с Пашкой знаем!

– Короче. – Голос Якушева снова зазвучал деловито. – Я знаю, что делать. Тут во дворе «Опель» стоит, хозяин его свалил надолго. Можно пока мужика этого в багажник сунуть – до весны точно никто не найдет! А потом попробуй разберись, кто его убил и когда! А мы вообще

не при делах будем. А так – упекут в тюрьму без разговоров. Тем более на нас с Мишкой несколько приводов. Мы же просто подарок для ментов!

– Если бы не ребята, я бы вызвал полицию, – сказал Кухлинский Гурову, который все это время внимательно его слушал, ни разу не перебив. – В тот момент я был в растерянности. Боялся, что нам действительно никто не поверит. Это уже по прошествии времени я понял, что нужно было все же сообщить в полицию. Ну, а потом... потом уже поздно было. Пока я сомневался, слишком много времени прошло.

– Орудия убийства на место точно не было? – задумчиво спросил Гуров, слегка барабанив пальцами по крышке стола. – Может, какой-нибудь камень, на который вы просто не обратили внимания?

– Не было, точно, – подтвердил Кухлинский. – Мы все осмотрели, когда... словом, когда зачищали подвал после переноса трупа.

– А вещи? Мобильный телефон, ключи?

– Не знаю, я карманы его не проверял. Когда я вернулся, он лежал только в рубашке и брюках, даже ботинок на нем не было. Кто-то успел его раздеть и уйти.

Гуров подумал о том, что не мешало бы проверить всех бомжей в округе, поскольку вещи неизвестного, наверняка хорошие и теплые, могли быть охотно ими приватизированы. Он попросил Кухлинского составить подробное их описание, а сам при этом думал о том, как будет продолжать расследование.

– Мы допросим Сытина и Якушева и сопоставим их показания с вашими, – сказал полковник.

– Я так и знал, что вы мне не поверите, – вздохнул Кухлинский.

– Дело не в том, поверю ли вам я, – пояснил Гуров. – Главное, чтобы вам поверил суд. А у меня большие сомнения в том, что он поверит. Уж слишком все свидетельствует против вас.

– Но мотив, мотив! – Кухлинский привстал со стула и убеждающее заговорил: – У меня же не было никакого мотива, я совершенно не знал этого человека, зачем мне его убивать? Лев Иванович, я прошу прощения, что сразу не признался вам в том, что произошло, в этом виноват, признаю! Но я прошу вас разобраться! Ведь кто-то же убил этого человека! А раз так, то его можно и нужно найти! Ведь по моей вине за решетку могут угодить ребята, а они-то вообще тут ни при чем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.